

Алексей Игоревич Бессонов
Маска власти
Серия «Мир Алекса Королева»
Серия «Алекс Королев», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122928

Аннотация

Алекс Королев – потомственный офицер имперского Галактического флота. Пока такие, как он, в строю, космическим пиратам и гангстерам не будет спокойной жизни. И хотя мать-прародительница Земля изувечена в звездных и внутренних войнах, в рыцарских сердцах космических десантников живы мужество и любовь к прекрасной даме.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Бессонов

Маска власти

Глава 1

Я воткнул палки в хрустящий снег и перевел дух. Через стекла очков снег казался искрящимся золотом, мягким ковром укрывшим склон горы. Я достал сигарету и скептически оглядел траекторию своего спуска. Н-да, забрался я... до кемпинга верных километров восемь по прямой. «Вернусь к закату, – лениво подумал я, – сожру здоровенный шницель и спущусь в холл. Закажу литровый кувалда грогу и стану глазеть на бильярдистов. И к вечеру, пожалуй, налижусь до чертиков, глядя, как милорд Чарных, жирный орегонский кретин, спускает свое состояние».

И все-таки здесь гораздо лучше, чем на пляже в тропиках. Тишина, народу мало, да и горы наводят на некие величественные мысли. А прожарить кости я еще успею: если верить героическим нашим метеорологам, в столице со дня на день ожидается сумасшедшая жара. Что до океана, то после трех месяцев на Ралторре меня тошнит при виде воды. Что есть на Ралторре, кроме воды? – едко спрашивал Нетвицкий и сам же отвечал: – Совершенно верно, дерьмо, редкими кучками плавающее по поверхности воды. Занесли ж нас черти на эту мокрую планету! И то правда: одна вода, и местами – отдельные островки размером с четверть-долларовую монету. Воистину Империя катится в пропасть – уж если террористы с политическими завихрениями начинают интересоваться даже такими безрадостными мирами, добром мы не кончим, нет...

«Идеализм, видимо, есть некая составная человеческой психологии, – подумал я, отбрасывая окуроч. – Точнее говоря, романтический идеализм – стремление к бездумному обожествлению некоей идеи. Сколько раз уж это было в истории... и вот опять: все те же бредни о равенстве, братстве и вселенской справедливости, и опять же с бластером в руках, и опять же в эту справедливость строим и с песнями, и опять же все равные, а кто-то – самый равный... равнее равных – черт, по-русски этак и не скажешь! Все-таки плохо преподают у нас историю цивилизации...»

Гуманитарий, сказал я себе, размеренно шевеля лыжами, военный интеллигент. «Король, – сто раз говорил мне Детеринг, – не делай умное лицо, оно не подходит к цвету твоих сапог...»

Я выскользнул на опушку леса и замер, услышав подозрительный шорох. Справа от меня, метрах в пяти, возле дерева увлеченно целовались двое: небритый детина лет за двадцать пять и розовощекий мальчуган пятнадцати-шестнадцати лет, явно злоупотребляющий косметикой. Завидев меня, они оторвались друг от друга и уставились в мою сторону, причем полубородастый мужик смотрел угрожающе, а паренек – с дерзким вызовом уверенной в своих чарах красавицы.

«Наверное, из „Радуги“, уроды, – подумал я и сплюнул, непроизвольно сжав пальцами рукоятки палок, – из того мотеля на западном склоне».

По моей прическе идиоту было ясно, что я либо лендлорд, либо гангстер, либо военный, но уж никак не член их любвеобильного братства, поэтому они ждали, что я в смущении опущу голову и от греха подалеже пошлепаю вниз, в свой «Грот». Я же не отвернулся, наоборот – я вызывающе взмахнул своей шикарной гривой, отбросив за плечи густые темные локоны и оперся на палки со снисходительной грацией колониального лорда, обремененного многочисленными территориями, любовницами и политическим весом почтенной фамилии. И, разумеется, привыкшего считать Метрополию общегалактической помойкой, а

ее обитателей – ни на что не годными отбросами, живущими его, лендлорда, милостивыми подачками. Очень дорогой лыжный костюм, сами лыжи аристократической марки «Берг» и в особенности сверкавший на черной коже правой перчатки уникальный перстень стоимостью в мой оклад за десять лет службы, красноречиво свидетельствовали если не о принадлежности к одной из влиятельных колониальных семей, то о весьма тугом кошельке как минимум.

– Чего вылупился, ты, куча дерьма? – свирепо пробасил небритый. – Валил бы отсюда, урод.

– Ну, тогда уж «милорд урод», мастер педик, – с надменной любезностью произнес я, – Впрочем, продолжайте, господа! Вы меня порядком позабавили, благодарю вас.

С этими словами я вытащил из наружного кармана давно валявшуюся там долларовую монету и, изящно изогнувшись, швырнул ее им под ноги. После чего поправил очки и неспешно двинулся по пологому склону в сторону «Грота». Свирепый мужчина не решился броситься за мной – если молодого лорда не сопровождает охрана, значит, он скорее всего боевой офицер и связываться с ним – себе дороже.

Н-да, подумал я, вспомнив слова генерала Мосли: «В Империи отклонение от нормы стало не просто нормой, а достоинством». С ума сойти, какие-то голубки осмеливаются хамить лендлорду! Что с того, что я таковым не являюсь – выгляжу-то я не хуже, а в Империи социальный статус покупается преимущественно за деньги. Ну а социальный статус – это образ твоих взаимоотношений с внешним миром: либо кланяешься ты, либо кланяются тебе. Кланяются богатым, знатным, кланяются умным и доблестным, ибо ум и доблесть – лучшие гаранты грядущих богатства и знатности. Но нигде я не видел, чтобы кланялись тупым, трусливым и вульгарным. Наоборот, это их удел гнуть спину.

Как ни странно, но всего лишь пару лет назад до меня это не шибко доходило. В юности жестокая несправедливость скомкала мою карьеру, и довольно долго я жил, ненавидя весь белый свет, особенно «голубую» его часть. Я был классическим неудачником – ни семьи, ни каких-либо жизненных перспектив, я старался не думать о будущем и не вспоминать о том, что когда-то был лучшим кадетом выпускного курса и мне прочили блестящее продвижение по службе. Меня мало что интересовало, я был, наверное, единственным двадцатипятилетним лейтенантом и прекрасно понимал, что от жизни мне ждать нечего, ибо для выдвижения нужно как-то проявить себя, а кто ж доверит что-нибудь серьезное уроду, который получил разгромнейшую характеристику с первого же места службы? Я мог бы добиться успеха в колониальных войсках, но меня мариновали на идиотской заштатной должности в столице. Я мог бы попытаться счастья в колониях и в ином качестве – в конце концов, полученное образование сделало меня специалистом в целом ряде областей, – но, будучи офицером до мозга костей, не допускал и мысли о расставании с черным мундиром и золотыми погонями. Их блеск манил меня с рождения, и я дорого заплатил за них. Тот день, когда я поцеловал перед строем новенький офицерский меч, стал самым счастливым днем моей жизни. Но, как выяснилось, меч не принес мне счастья. После позорного (как мне тогда казалось) выдворения с Рогнара я жил как в тумане. Я, имеющий право носить короткий офицерский клинок, представлялся незнакомым девушкам то телевизионщиком, то рекламным агентом, то вообще лавочником. А потом все изменилось.

Да, в «Гроте» меня знают как молодого преуспевающего совладельца малоизвестной (несуществующей то бишь) транспортной конторы, пробившего дорогу своим умом. Но сегодня я отнюдь не стыжусь своих погон флаг-майора. Я, имеющий право носить меч, тайне мечтаю о шпаге лендлорда!

Два года назад все переменялось менее чем за месяц... Я снова попал на Рогнар и вскоре вернулся оттуда в чине капитана, причем не просто капитана – эка невидаль, – а «человека со связями», да с какими! Я моментально лишился прежней должности, зато вме-

сто нее получил роскошный новый кабинет. Из мелкого и невзрачного ксенолога-аналитика я превратился в таинственного «находящегося в распоряжении». Судьба сделала боевой разворот: словно из рога изобилия посыпались вдруг на меня банковские билеты, в просторечии именуемые бабками... За пару не шибко тяжелых ранений я получил, как за два инвалидных. Левый карман кителя украсил Рыцарский крест с соответствующей прибавкой к жалованью и хоть и малоупотребляемым, но тешащим самолюбие титулом «кавалер». Это была, так сказать, официальная часть торжества (хотя еще на Рогнаре я смекнул, что операции, в которой я задействован, как раз официально-то и не существует) – но на все воля Божья...

А неофициально я получил симпатичную кредитку с логотипом одного крупного колониального банка и энным количеством нулей на индикаторе. Там были одни нули – но, хох, я отлично понимал, что единичку просто не видит глаз непосвященного... единичку в левом разряде.

Рогнар, Рогнар... как много ты мне дал, и – о Боже! – как же много ты отнял. Иногда я часами смотрю на платиновый перстень с редким камнем, что украшает мой безымянный палец... он так здорово контрастирует с тончайшей черной кожей моей правой перчатки. Этот перстень я снял с мертвой руки рыжеволосой девушки Тин, которая навсегда осталась на Рогнаре, вмурованная в гранит далеко выступающей в море скалы... а море там бушует круглый год, и шум его седых валов – поминальная песнь. Ложем Тин стал холодный камень, покрывалом – шитый золотом имперский стяг. Памятью о ней, вечной болью, тоской моей, летящей среди звезд в холодной бездне равнодушного неба, стал этот перстень.

А когда-то, давным-давно, юный лейтенант повстречал другую девушку – малютку Рене, свою первую настоящую любовь, бесконечно сладкую и невыносимо горькую одновременно...

Безжалостный ветер Рогнара унес их обоих. Их давно нет, но я слышу их голоса, их голосами разговаривают со мной звезды одинокими и холодными моими ночами. Во мне звучат их голоса... голос Рене, такой юной, такой сильной и слабой одновременно, молящей о любви и просящей защиты... голос Тин, чуть хрипловатый шепот, голос задорной рыжеволосой аристократки, мужественной, терпеливой и нежной, готовой умереть за меня в любую минуту.

Я не смог сберечь вас, милые мои женщины, простите меня. Обе вы умерли нелепо и случайно. Видно, на роду мне написано платить за все максимальную цену – хочу я того или нет. А может, я просто рыбешка, бьющаяся в сетях многомудрых богинь судьбы, – кто знает? Но цены высшей, нежели та, что была уплачена мной, я дать просто не мог...

Я прошел мимо пустого в этот час подъемника, отщелкнул замки на лыжных ботинках и остановился на ступенях мраморной лестницы, ведущей ко входу в «Грот». Солнце клонилось к западу, окрасив снег в немыслимо красивый голубоватый цвет, но, хотя воздух был спокоен и по-зимнему прозрачен, я не поручился бы, что ночью не случится быть метели: здесь, в горах, погода порой меняется совершенно неожиданно.

Боковым коридором я обошел холл и курительную, из которой уже раздавался стук шаров, и по покрытой дорогим ковром лестнице поднялся в свои апартаменты. Заказав по телефону обед, я разоблачился, по-быстрому принял душ, просушил свою гриву, не совсем подходящую для молодого бизнесмена – в меру спортивного, образованного и воспитанного, но уж никак не относящегося к заносчивой касте имперских офицеров – и, переодевшись в халат, принялся за еду.

Первым делом я выкушал сто граммов ледяной водки из запотевшей рюмки и заел ее черепаховым супом. Да-да, это был суп из самой настоящей земной черепахи, не сомневайтесь. С солдатской быстротой я расправился с супом и в несколько расслабленном состоянии принялся терзать роскошный кусок поросятины, зажаренной в сухарях с пряностями. Свины, хвала Всевышнему, экзотикой не являются – в свое время их наташили сюда в несмет-

ных количествах и долго лечили потом от генетических уродств. Радиация, увы, не манна небесная.

Наслаждаясь сочным шницелем, я вдруг подумал, что мне совсем не хочется отсюда уезжать. «Грот» – воистину одно из немногих в любимой нашей Метрополии заведений такого рода, где можно по-настоящему отмокнуть, позабыв про мерзости окружающего мира. Во-первых, в «Гроуте» всего восемь номеров, правда, отличающихся истинно аристократической роскошью. Во-вторых, цены здесь такие, что не всякий сюда сунется. Не люкс, конечно, но и не бизнес-класс. Ближе, впрочем, к люксу. Ну и в-третьих, «Грот» далек от столицы и вообще от городов, так как находится в предгорьях Эль-Коррадро, высочайшей горной цепи планеты. Связь с внешним миром осуществляется при помощи двух фотолетов, находящихся в распоряжении хозяйки. О хозяйке разговор особый. Мадам Листрендж – вдова известного в прошлом политика, громогласного «милитариста» Оливера Листренджа, канувшего в Лету вместе с военными и политическими авантюрами своей эпохи. Мадам – весьма консервативная дама, и в ее владениях невозможны «всякие там непристойности!». Здесь все чинно и спокойно. Не всякий клиент может получить здесь место – об этом заботятся агенты мадам (точнее, купленные ею клерки ряда туристических фирм). Прислуга именует постояльцев не иначе, как «миледи» и «милорд». Кстати, о прислуге. Я уверен, что горничная имеет у старухи жалованье, вполне сравнимое с базовым лейтенантским окладом, ибо живая прислуга – это, знаете ли, роскошь. Само собой разумеется, что любые отношения с барышнями, выходящие за рамки патриархальной благопристойности, исключены как явление природы. Хотя убей меня Бог, если старушечья в свое время не изменяла супругу с девочками. Но, разумеется, я не стану распространяться об этом направо и налево. Как мадам не станет распространяться о том, что в распоряжение молодого бизнесмена круглосуточно предоставлен канал аварийной спецсвязи. Ну а горничная, каждое утро балующая меня чашкой горячего шоколада, вряд ли выболтает кому-нибудь, что молодой джентльмен постоянно имеет при себе мощнейший бластер, который может носить только офицер СБ. Кто ей, бедняге, поверит-то?

Я закончил прием пищи, сыто поскреб живот и принялся одеваться, чтобы спуститься вниз и с почтением откусать кружку доброго грога, наслаждаясь несравненной игрой милорда Чарных.

Нынче был не сезон – в Метрополии шла повальная налоговая облава, ежегодный кошмар делового мира, – и три номера в «Гроуте» пустовали. Я свою свободу объяснил тем, что все эти шишки принимает на себя мой компаньон, а я-де вообще не лезу во взаимоотношения со всесокрушающей нашей финслужбой, целиком сосредоточившись на вопросах технических. Звучало это, в общем-то, довольно правдоподобно, подобные случаи были мне известны.

В данный момент постояльцев здесь было пятеро: милорд Чарных с женой и двумя очаровательными дочками-близняшками тринадцати лет; генерал Рэтклиф – уникальная по своему личност; весьма преуспевающий дизайнер Энглунд; я и миледи ван Хорн – исключительной знойности колониальная вдова под полста лет, страдающая запорами и обмороками. Миледи Чарных внизу не появлялась. Это была весьма спортивная особа лет тридцати, целыми днями гонявшая с дочками на снегоходах в поисках перелома шеи. Миледи не интересовало ничто, кроме спорта и утех плоти, она была здоровая молодая кобыла и чихать хотела на нашу мрачную компанию и бесконечные споры о политике. Я ее понимал.

Я надел черные брюки, мягкие плетеные туфли, повязал несколько легкомысленный галстук с двумя лентами, накинул коричневый клубный камзол с меховой оторочкой и спустился в курительную. Она курительная представляла собой нечто среднее между баром и бильярдной: здесь имелась стойка, за которой дежурил неизменно веселый коктейльмейстер Боб, три бильярда, а также – ах! – настоящий камин и уютные кожаные кресла.

Здесь уже вовсю стучали шары: невозмутимый Энглунд, дымя сигаретой, традиционно обувал милорда Чарных. Он делал это уже пять дней – на моей памяти – и с неизменным успехом. Чарных пыхтел, потел, но сделать ничего не мог. Вообще этот деятель вызывал у меня сильнейшее отвращение. Типичный вздорный «реднэк», представитель своей малолюдной аграрной планеты, недалекий и шумный. Прямо-таки классический образец – в пору портрет писать. На Орегоне, видишь ли, не бывает снега и нет гор, вот он и вывез семейство – поглазеть, понимаешь, на такие чудеса. Ну-ну, глядя, как веселое семейство резвится на опасных склонах, я охотно верю, что гор на Орегоне таки нет. Но, исходя из этой посылки, на Орегоне не должно быть и бильярда, ибо навозный лорд проигрывает прошлогодний урожай с не меньшим усердием.

Он меня первым и узрел.

– Гоо-о, – зарычал он, стуча кием по полу, – мастер Алекс! Подходите к огню, старина, вы, верно, замерзли во время прогулки!

Я, разумеется, не стал объяснять этому идиоту, что сто раз успел согреться и пообедать. Я склонил голову в вежливом полупоклоне:

– Милорд...

Коротко кивнул Энглунду и шагнул к стойке:

– Бобби сооруди-ка мне грогу. Ну, ты знаешь...

Пока Бобби колдовал с грогом, в курительную ввалился Рэтклиф. С церемонной вежливостью поздоровавшись с игроками, он подошел ко мне.

– Мое почтение, кавалер, – приветствовал его я.

– Добрый вечер, мастер Алекс, – улыбнулся Рэтклиф, – грог?

– Он самый, генерал. После снега и хорошего обеда...

– Пожалуй, вы правы. А я вот возьму коньяку и сяду полюбоваться этими шарогонями.

Кстати, вы знаете, в обед появилась новая обитательница нашей пещерки.

– Молодая? – шевельнул я носом.

– Ваших лет, пожалуй. И хороша собой... я бы и сам не прочь... х-ха.

Взяв из рук Бобби кухоль грогу, я уселся в глубокое кресло лицом к двери и задумался. Действительно, если б не ряд обстоятельств, я бы с удовольствием остался еще на неделю. Здесь удивительный покой и неплохая, если не вдаваться в детали, компания. Вот Рэтклиф, к примеру. Про таких принято говорить, что они сколотили состояние «своим мечом». Покажите же мне тот меч... Дураку понятно, что законным способом на военной службе не разбогатеешь. Но Рэтклиф, однако, отнюдь не тыловой вор. Нет, это типичный флотский сморчок, весь в лучевых ожогах, он много чего повидал на своем веку. Во времена колониального бума его линкор уходил в самые рискованные конвои, что весьма некисло оплачивалось. Разумеется, то были «левые», не самые чистые на свете деньги, но стоит ли ставить это в упрек старику? В свое время Рэтклиф был асом экстра-класса, перевозимая им контрабанда поставила на ноги многие колониальные кланы. Само собой, не забыт мастер Рэтклиф и поныне и не составляет для него проблемы оплата месячного пребывания в «Гроте». Да и отпрыски его преуспели. Хоть и не стали они легендарными деятелями нашей завернутой эпохи, но... Рэтклифы-младшие владеют транспортными компаниями, инвестиционными фондами, игорными домами и шикарными борделями.

Странно, что нет миледи ван Хорн. Ее зрелые формы приятно радуют глаз, да и поболтать с ней я не прочь. Миледи – вдова крупного промышленника с Корэла, но и сама она немалого стоит. Прекрасно образована, умна и хорошо воспитана. Если бы не вздохи по поводу нездоровья (вызванного, как я понимаю, дефицитом мужского внимания, столь необходимого в ее годы), ей бы цены не было. Собственно, ничто не мешает познакомиться с миледи и поближе, но меня останавливает мысль о том, что ее сыновья лет так на пять

старше меня. Да и последствия этого курортного романа могут быть воистину непредсказуемыми...

«Что ж, – хмыкнул я, – такова моя доля. Я – „господин Никто“, я член могущественного братства странных людей, носящих черный мундир офицеров спецслужбы, а на деле играющих в свои игры, держащих в руках множество ниточек, на которых послушно дергается славная наша Империя...»

Рэтклиф, взяв у стойки очередную порцию коньяку, подошел ко мне и уселся в соседнее кресло.

– Я и не думал, что Чарных такой идиот, – вяло сообщил он.

– М-м-м? – вопросительно поднял я брови.

– Он проиграл Энглунду уже около сотни тысяч.

– Мастер Энглунд парень не промах.

– А вы, мастер Алекс? – Рэтклиф пригубил коньяк и с иронией посмотрел мне в глаза.

– Я? Я не игрок, кавалер.

– Вы хотите сказать, что вы играете в другие игры, не так ли? – Рэтклиф утробно рассмеялся и достал сигару. – И что ерунда вроде бильярда, так же как ерунда типа ста тысяч, слишком мелки для вас?

– С чего вы взяли, кавалер?

– Ах, дорогой мастер Алекс, я повидал немало людей... И будь я проклят, если вам не довелось носить мундир... ведь верно?

– Очень интересно, – принужденно рассмеялся я, – должно быть, всему виной моя прическа?

– Отнюдь, юноша, отнюдь... просто вы иногда мыслите категориями оперативной психологии, а ее не преподают в цивильных университетах.

От необходимости возражать меня спасло неожиданное появление хозяйки, добрейшей мадам Листрендж. Она привела с собой новую гостью, чтобы, согласно устоявшейся в «Гроте» традиции, ввести ее в круг остальных постояльцев.

– Джентльмены, – начала она с порога, – позвольте представить вам миледи Натали Тревис с Кассанданы. Надеюсь, ей понравится у нас, так как в «Гроте» она впервые.

Из-за ее спины, чуть смущенно улыбаясь, выступила стройная шатенка лет двадцати восьми с пронзительно голубыми глазами. Вряд ли кто-либо осмелился бы назвать ее красоту аристократической. Она была скорее «ладно скроенной девицей», но от всего ее облика веяло неприкрытой чувственностью, заставлявшей трепетать сердце любого человека с нормальным здоровым вкусом и бойцовскими наклонностями. Таких сердец, увы, в Метрополии было не очень-то и много... Уверен, однако, что во все века мужики рубились именно из-за таких вот искусительниц. Миледи Тревис была одета в красивое серое платье с боковым разрезом, который дразняще приоткрывал плавную линию изящной, но сильной ноги. Да уж, эта мадам умела добиваться своего... но не это было главным – в ее глазах я прочел ум, силу и так редко встречающуюся женскую способность к верности – умение терпеть и ждать.

– Миле-еди, – пропыхтел Чарных, неуклюже изгибаясь, чтобы обслуживать красивую мускулистую ладонь новоприбывшей.

Мы с Рэтклифом не стали заниматься целованиями. Мы просто встали и церемонно поклонились в ответ на представление хозяйки.

– Я вижу, она не совсем в вашем вкусе, мастер Алекс? – полувопросительно пробасил Рэтклиф. – А? Вы что-то сказали?

– Как знать, как знать... – я с непроницаемым видом глотнул грогу и сунул в зубы сигару.

Молодая миледи, взяв у Боба бокал красного вина, уверенным шагом двинулась в нашу сторону.

– Позвольте присоединиться к вам, джентльмены, – приятным низким голосом произнесла она, – так как я ничего не смыслю ни в бильярде, ни...

... – в бильярдистах? – иронично изогнул бровь генерал. – Что ж, присаживайтесь. Хотя я сильно сомневаюсь, что вам придется по вкусу наша беседа. Мы народ скучный. Вот, к примеру, мастер Алекс – он великий специалист в области обтекаемых формулировок и весьма профессионально уходит от прямых ответов на самые простые вопросы. Я ни разу не слышал от него слова «да» или слова «нет». Спросите у него, в каком году он появился на свет, и он сделает неопределенный жест и промолчит: «В зависимости от обстоятельств».

– Это так, мастер Алекс? – журчаще рассмеялась миледи.

– Возможно, – улыбнулся я, – со стороны, говорят, виднее.

– Ну разумеется, – хмыкнул Рэтклиф, – и не ждите иного ответа, миледи, это бесполезно. Боюсь, что мастер Алекс бывает конкретным в несколько иных обстоятельствах. Смотрите, сейчас он скажет: «Всякое бывает». А? Вы что-то сказали?

– Как обстоят дела на Кассандане? – поинтересовался я.

– Как всегда, отлично, – улыбнулась Натали, – а что может случиться на Кассандане?

– Ну мало ли что может случиться в колониях! Очередная война с таможенной Метрополией, к примеру.

– Я, по крайней мере, не слышала о чем-то подобном. Впрочем, я совсем недавно вступила там во владение... умер мой дядя, и я оказалась наследницей.

– И решили, конечно, с толком провести свое время в Метрополии? – спросил Рэтклиф. – Гм... боюсь, вы здесь помрете от скуки. Развлечений тут никаких. Милорд Чарных с мастером Энглундом или пьют виски, или гоняют шары... я слишком стар, ну а мастер Алекс – заядлый спортсмен и с утра пораньше уходит в горы. И вообще он ужасный флегматик... точнее, пытается им быть. Нет, нет, не спрашивайте у него, правда ли это. В контрразведке мастер Алекс с его выдающимися способностями непременно дослужился бы до генеральских чинов. С ним чрезвычайно интересно беседовать на отвлеченные темы: о политике, к примеру – мастер Алекс разбирается в хитросплетениях властных интриг на уровне хорошего аналитика. А вот в налогах он почему-то ни черта не смыслит.

– А как же погода? – засмеялась Натали.

– Погода ему безразлична...

Мы мило беседовали до тех пор, пока не истощился грог в моей кружке, то есть около получаса, после чего я удалился в номер, сославшись на усталость.

Спал я на редкость крепко, с утра позавтракал и натянул лыжный костюм, ботинки надевать не стал: в последний день своего пребывания в «Гроте» я решил покататься на снегоходе. Я надел высокие кожаные сапоги на ребристой подошве и вышел к площадке, где стояли несколько гусеничных прогулочных машин. Конструкция их почти не изменилась за столетия, ибо трудно было придумать что-то более рациональное: сзади – ведущая гусеница, спереди – пара подрессорных рулевых лыж.

Ко мне подошел предупредительно-вежливый инструктор.

– Милорд умеет управлять машиной?

– Думаю, справлюсь, дружище, – ответил я.

Парень глянул на меня с сомнением, и я чуть было не ляпнул, что мне приходилось носиться по снежным склонам на тяжелом танке-транспортере – и не кисло вроде выходило.

– Какую модель угодно милорду? Я рекомендовал бы вот этот «Зефир» – он легкий и прост в управлении.

– Не стоит. Я возьму вот этот.

Я оседлал могучий «Нордик Придэйтор»¹, вооруженный стосильной турбиной, и придал ногой педаль запуска. Специально настроенная акустика двигателя взревела рассерженным драконом. Я осторожно нажал пальцем на гашетку акселератора и не спеша съехал с площадки. Выбрав курс по участку нетронутого снега, я резко дал газ и понесся в сторону северного склона.

Стосильный «Хищник» заворожил меня. Турбина обеспечивала очень высокий крутящий момент даже на средних оборотах, а резкое нажатие на газ приводило меня просто в восторг – снегоход, ровно и мощно ускоряясь, уверенно взбирался вверх по снежной целине склона, его возможности казались просто безграничными.

Не один час носился я по совершенно диким местам, наслаждаясь солнцем, легким морозцем, ветром, бьющим в лицо – совсем как мальчишка, впервые оседлавший отцовского боевого жеребца. В конце концов, когда солнце перевалило далеко за полдень и мороз неожиданно стал крепчать, я вдруг понял, что заблудился. Ехать по собственным следам не имело смысла – всю дорогу я выписывал такие петли, что проследить курсовую ось можно было только сверху. Я остановился и закурил. Шестое чувство ориентировки, в той или иной степени присутствующее у всех рейнджеров, говорило мне, что я сделал круг и «Грот» находится почти прямо по курсу, но на приличном расстоянии. А дело, похоже, идет к метели, и начнется она гораздо раньше, чем сядет солнце – если я вообще что-либо понимаю в погоде. Похолодало не к добру, и небо начинает темнеть. Следовало спешить – скоро стемнеет совсем, в лицо мне ударит снежная буря... и я, возможно, совсем потеряю ориентировку. Конечно, могучий зверь, что рычит подо мной, вынесет меня из метели... но куда? В пропасть?

Я решительно отбросил сигарету и дал газ. Если я не ошибся в направлении, мой внутренний «компас» не даст мне сбиться с пути. Я шел по редколесью, вглядываясь в тревожно темнеющее небо, и прикидывал, успею ли добраться до «Грота» раньше, чем увязну в снежной кутерьме и напрочь потеряю способность что-либо соображать. Сама по себе метель меня мало пугала – я выбирался и не из таких историй, но уж больно не хотелось устраивать переполох в «Гроте», тем более в последний день моего пребывания там.

«Придэйтор» вынес меня на небольшую полянку, и я неожиданно увидел цепочку совсем свежих следов, двигавшихся почти параллельно моему курсу в сторону того же «Грота». Я не стал бы останавливаться, но следы показались мне странными. Я присмотрелся. Точно: человек хромал, он подволакивал левую ногу. Снега здесь было по колено, но, заглянув в глубь лунки, я увидел там четкий отпечаток дамского лыжного ботинка. Ботинок был небольшого размера. Миледи ван Хорн? Сомневаюсь, чтобы она забралась в такую даль. Или, быть может, кто-то из «Радуги»? В любом случае женщина с травмированной ногой не имела шансов выйти из метели живой.

Я снова оседлал снегоход и двинулся по следу. Уже сгустились морозные предгрозовые сумерки и пошел снег; пока еще это были всего лишь пушистые редкие хлопья, тихо кружащиеся в воздухе, но можно было не сомневаться, что в ближайшее время они превратятся в яростный вихрь, визжащий и воющий, как легион потерянных душ. Я включил фары и через полминуты резко осадил машину: возле разлапистого борга, вцепившись правой рукой в торчащие из-под снега корни, сидела бледная как смерть Натали Тревис.

– Что с вами? – крикнул я, соскакивая со снегохода. – Вы живы?

Она что-то едва слышно прошептала.

– Хвост дракона! Да вы идете не первый час!.. Выпейте!

¹ Северный Хищник (англ.).

Я выхватил из поясной сумки объемистую флягу рома, отвинтил пробку и приложил горлышко к ее синим трясущимся губам. Она сделала несколько больших глотков, закашлялась и отвела мою руку в сторону.

– Достаточно, – хрипло прошептала она, – дайте же отдышаться. О Боже, я думала, это уже конец.

– Весьма близко к этому. Надвигается буря – вы видите?

– Какое счастье, что вы оказались рядом. Я слышала рев мотора, но у меня уже не было сил кричать. Гм... честно говоря, я никак не ожидала, что это будете вы.

– Кровь Христова! Кого же вы ожидали увидеть? Милорда Чарных? Или вы думали, что это мастер Энглунд рыщет по горам в преддверии метели?

– Не обижайтесь... но вчера вы не были похожи на рыцаря, который появляется из тьмы верхом на ревушем звере, чтобы спасти даму от смерти.

– Я рад, что завоевал ваше доверие, миледи. Что с вашей ногой?

– По-моему, вывих. Я упала на крутом склоне, довольно далеко отсюда.

– Ладно... нам пора ехать, сейчас начнутся чудеса природы.

– А вы уверены, что мы не заблудимся?

– Думаю, что нет, – я осторожно взял ее на руки и перенес к снегоходу. – Надеюсь, вы не боитесь быстрой езды?

– Что-то говорит мне, что рядом с вами не стоит ничего бояться, – мягко ответила Натали.

Я усадил ее на заднее сиденье и запустил двигатель.

– Главное – держитесь за меня как можно крепче, нас будет здорово трясти.

Я гнал снегоход через усиливающуюся снежную круговорот, в которой почти тонул холодный ксеноновый свет моих фар, и едва успевал переключать руль, чтобы не врезаться в деревья. Снегоход страшно болтало из стороны в сторону, но руки Натали, сомкнутые на моей груди, странным образом придавали мне сил, и я совершенно четко соображал, куда надо ехать. Она сидела за моей спиной, отогрившись на горячем сиденье, обхватив меня руками и положив голову мне на плечо. В этом было нечто романтическое: ревуший снегоход, летящий сквозь бурю, и на спине у него – мужчина в черном комбинезоне и доверчиво прижавшаяся к нему женщина. Мне, впрочем, в тот момент было не до романтики: я стремился как можно скорее попасть в «Грот».

Что и удалось мне через полчаса. Сдав Натали подбежавшим людям и не отвечая на встревоженные вопросы, я пробрался в номер и залез в горячую ванну. Выбравшись оттуда, я заказал бутылку виски и обильный ужин. Идти вниз я не собирался – попрощаться я смогу и завтра, перед отлетом, а воспевать свою мужественность мне было неинтересно. Я ел отличный ростбиф с острым салатом и обильно орошал это дело «Старым Биндером». Виски – это именно то, о чем просит сердце одинокого флаг-майора после этаких приключений.

После ужина я забрался в огромное уютное кресло, не забыв, конечно, «Биндера» и вазочку орехов. Следовало поразмыслить о делах грядущих. В понедельник, с утра пораньше, нужно навестить полковника Эдриана Ремера и потолковать с ним по поводу той дурацкой истории с контрабандой на Покусе. Дело пахнет дерьмом, и как бы его не взяло на контроль Центральное таможенное управление. Надо побеседовать с Ремером на предмет того, чтобы он навел справки через героическую нашу «двойку» – Второе управление СБ – таки взяли или таки нет? Потому как на Покус, вероятно, полечу именно я, и то-то смеху будет столкнуться там нос к носу с инспекторами ЦТУ: это будет стоить, прямо скажем, слишком много денег. Ларс Фишер из «двойки» легко выдаст со своего терминала запрос в ЦТУ; а лучше всего пускай сам поставит вопрос о ведении дела. Наводить тень на плетень не мне его учить, склеит там парочку агентурных слухов... Да, нужно этим заняться прямо с понедельника – если, конечно, люди Месропа Саакяна не решили все

сами. За неделю многое могло случиться, но, раз меня никто не тревожил, значит, ситуация стоит на месте. Саакян не лодырь, но он человек осторожный – у него братец баллотируется на Покусе в Исполнительный совет. Не станет же он портить ему карьеру этим идиотским инцидентом с контрабандой алкоголя! Но и таможня ж на Покусе – орлы, нечего сказать; раздуть скандал из-за неуплаты акциза и транспортных сборов. Неподкупные они там, что ли?

Я зевнул и потянулся. Разберемся мы с этим Покусом, и не такие пожары тушили... ого, уже почти полночь! Ох, и упился ж я в горьком своем одиночестве! Вроде как и не пьян, но в то же время явно нетрезв.

Я сбросил халат и голышом забрался под теплое пуховое одеяло. Завтра меня ждет сухое горячее лето. В столице сейчас непереносимая жара. Даже как-то странно: сегодня сражался с метелью, а завтра буду глушить ледяное пиво, спасаясь от жары.

В дверь номера кто-то тихонько поскребся. «Крысы у них тут, что ли? – сквозь дрему лениво подумал я. – Что? Крысы?! Какие, к дьяволу, крысы?»

Я подскочил на кровати. Точно, в дверь моих апартаментов кто-то еле слышно постучал. Я прислушался. Пансионат уже спал... стук повторился.

«Открою – ствол в рыло, – пьяно размышлял я, – и ищи потом... или тряпку с паралитиком». Любопытство, однако, пересилило осторожность. Я вытащил из-под подушки любимый табельный «тайлер», снял его с предохранителя и бесшумно двинулся к дверям. Осторожно отомкнул замок и мягким кошачьим прыжком переместился назад, держа оружие на уровне глаз. Теперь входящий не имел и тени шанса. Дверь медленно отворилась...

– О Боже, – выдохнула Натали, – ты всегда так встречаешь гостей?

На ней был розовый полупрозрачный пеньюар, не скрывавший почти ничего, но в то же время делавший ее нестерпимо желанной. В руке она держала бутылку дорогого шампанского.

Я почувствовал предательское шевеление в известной части туловища, и, покраснев как рак, использовал офицерский бластер в роли фигового листка.

– О-о-о, – одобрительно прошептала Натали, запирая дверь на замок, – это мне нравится...

– Заходи, – выдал я и метнулся в спальню, где поспешно натянул халат и кое-как привел в порядок свои локоны.

– Откровенно говоря, миледи, я вовсе не нуждаюсь в такого рода благодарности, – с умным видом заметил я, возвращаясь в гостиную.

– Ничего себе, – перебила меня она, поднимая с пола почти пустую емкость из-под «Старого Биндера», – ты один это уделал? Все ясно. Сейчас ты вывалишь нечто вроде «Так поступил бы любой офицер, миледи». Тогда я предпочту общаться напрямую с твоим младшим братишкой – он, похоже, соображает лучше.

– С чего ты взяла, что я офицер?

– Не смей меня, дорогой. И, чтобы развеять твои сомнения, скажу, что я пришла к тебе не только из благодарности. Поэтому брось притворяться и стань наконец самим собой, таким, каким ты был в лесу, то есть крепким, уверенным в себе воякой.

Я сел в кресло и потер лоб.

– Но в самом деле?..

Она достала из бара бокалы и воркующе рассмеялась:

– Бизнесмены Метрополии ругаются совсем не так, как военные. И, как правило, не имеют таких уверенных рук. Да и вообще, ношение оружия поражающей способностью свыше сорока условных единиц есть тяжкое преступление, а? Кроме как для тех, конечно, кому это оружие носить положено.

– Ладно, – я примирительно махнул рукой, – наливай. Мне уже, в сущности, плевать – я завтра уматываю.

– Ты серьезно?

– Вполне. Тебя это огорчает?

– Вот черт... А может, останешься?

– У меня срочные дела... Натали, девочка, да что с тобой?

Она присела на подлокотник моего кресла и заглянула в мои глаза.

– Я не знаю, что со мной, не спрашивай... но в тебе есть что-то, что я искала в сотнях мужчин... я понимаю, что это глупо, но что я могу с собой сделать, если это так?

Я вылез из кресла и подошел к окну. Метель уже улеглась, в бездне ночного неба висел привычный звездный узор.

– Натали, – не оборачиваясь, произнес я, – ты непохожа на романтическую девочку.

Она едва слышно рассмеялась.

– Непохожа... Ты веришь в судьбу, Алекс?

– И да и нет.

– Ну а если да?

– Если да – то она очень меня баловала. И очень больно казнила. Если да, то я стал ее бояться.

– Бояться судьбы?

– Бояться боли. Не физической, разумеется.

– Тогда ты живешь в аду.

– У каждого свой ад, Натали. Я свой ад ношу в себе.

– Почему ты не можешь его забыть?

– Забыть нельзя ничего. Мой персональный ад – это плата. Плата за смысл.

– Ты уверен в том, что смысл этот есть?

– Он дает мне силы. Я могу умереть в любую минуту. Смысл укрепляет мою руку.

Я вернулся к креслу, взял со столика сигару.

– Ты сильный человек, Алекс. Но почему в тебе столько грусти?

– Я слабый человек, Натали. То, что ты привыкла считать силой, – всего лишь непонимание природы силы. Моя сила – это воля. Она держит меня.

– Твои рассуждения нехарактерны для офицера. Это русская философия. Философия Гор, если мне не изменяет память. Кто ты?

– Воин.

– Воин без имени?

– Просто воин.

– Я пришла к тебе, воин.

– Я твой, женщина.

Она выскользнула из моей постели в половине шестого утра.

– Не прощайся со мной, умоляю... быть может, ты прилетишь на Кассандану...

Я попал на хренову Кассандану гораздо раньше, чем думал.

Глава 2

Лето кончилось дождями, мерзкий сырой ветер гнал листья вдоль улиц, а я тоскливо глядел на мир сквозь витрину небольшого бара на 54-й авеню. Начало осени не предвещало ничего хорошего. Я чувствовал себя усталым и опустошенным. Вчера мой любимый кот Эрик наложил мне в туфлю, чего с ним не случалось уже много лет. Мерзкий тип отомстил мне за то, что я неделю не покупал ему свежей рыбы. Возвращаться в пустой дом и общаться с мохнатым террористом мне не хотелось, и я сидел в баре за кружкой пива, лениво обозревая крепкие задницы пары ушедших красоток, торчавших у стойки, и размышлял, не стоит ли свистнуть их обеих. В желудке моем сонно переваривался недавно съеденный обед, красавицы не обращали внимания на мрачного типа в дорогом плаще, с вызывающе ценным перстнем на правой руке, и я вдруг подумал: а чем, собственно, я отличаюсь от куска говядины, на сей момент обитающей в моем брюхе? Ей, поди, так же тоскливо, как мне, говядине этой. Подраться, что ли, с кем-нибудь?

В кармане плаща ехидно заулюлюкал телефон.

– Але, – отозвался я, поднося к уху плоскую коробочку.

– Королев, – полковник Каминский, похоже, был на грани истерики, – давай бегом к нам. Бегом, Санька!

– Да что стряслось-то?

– Потом, потом! И... кстати, где Детеринг?

– Без понятия. А вы где?

– Мы все у Нетвицкого. Давай.

Я бросил на столик монету и пулей выскочил из бара. Девули за стойкой недоуменно глянули мне вслед, но меня они уже не интересовали. Я прыгнул за руль своего «Лэнгли», включил ручное управление и с пробуксовкой колес сорвался с места. Через десяток минут я бросил машину на тротуаре у входа в Третье управление. Почти бегом миновав идентификационный щит, взлетел в лифте на сороковой этаж, промчался по коридору и рывком распахнул дверь с надписью «Джозеф Нетвицкий».

В огромном, шикарно отделанном кабинете плавал дым – его не успевали вытягивать вентиляторы. Сам хозяин кабинета восседал на краю необъятного письменного стола и курил с отсутствующим видом. Ремер, Каминский и подполковник Варакин бегали по кабинету, аки тигры в клетке, роняя на шикарный ковер пепел своих сигарет.

– О, – вскричал Ремер, заведя меня, – вот он!

Я закрыл за собой дверь кабинета.

– Все ж таки, господа офицеры...

– А, – сказал Ремер, – он не знает.

– Сегодня утром, – скрипуче перебил его Нетвицкий, – сегодня утром изволил застрелиться милорд Майкрофт Фарж.

Я сунул руки в карманы плаща в поисках сигарет.

– Час назад, – продолжал Нетвицкий, – на Кассандане, на территории собственной усадьбы обнаружен труп генерала Ярга Максимилиана Фаржа. Этого достаточно?

– Ты знаешь, где искать Детеринга? – с отчаянием спросил Ремер.

– Но, ребята, он же в вашем заведении числится.

– Числится, – словно эхо, повторил Варакин, – числится...

Хлопнула дверь. В кабинет влетели Макс Потапенко и Ларс Фишер – люди из Второго управления.

– Ху-у, – перевел дух Фишер, – всем привет... Так, слушайте меня ушами: дело милорда Майкрофта взято на исполнение третьим отделом прокуратуры Метрополии.

– Совсем хорошо, – Нетвицкий провел рукой по лицу. – Что еще?

– Эксперты подтвердили версию самоубийства. Дело ведет советник Леруа... Этот Леруа – он интересный тип... он сразу затребовал анализ последних контактов покойника и уловил такую штуку: за полчаса до выстрела на Фаржа выходила Кассандана. Абонент, понятное дело, неизвестен. Связь шла по линии блока дальней связи центрального космопорта планеты, а там ни черта не выловишь – у них до миллиона обращений в сутки.

– Кто проводил экспертизу? – перебил его генерал.

– Криминалистическая лаборатория столичного округа.

– Почему? Как вы, идиоты, допустили, что об этом первым узнаю не я, а столичный префект? Потапенко, это я тебе говорю. Ты, вислоухий, замещаешь Мосли в его отсутствие. Ты временно исполняющий обязанности директора Второго управления, так? И что ваша светлость изволила поделывать сегодня утром?

Полковник Потапенко со свистом втянул в себя воздух.

– Труп был обнаружен секретаршей в девять тридцать, – выдавил он, – и первыми в офис прибыли люди коронера Бьернссона из окружного отдела по нештатным ситуациям. Они же вызвали криминалистов из округа. Сразу за криминалистами примчались следователи во главе со старшим советником юстиции Точиным. Точилин взашей выгнал бригаду Бьернссона, и после этого мы получили официальную сводку по линии префектуры.

– Сводку, – еле сдерживаясь, прорычал Нетвицкий, – эта сводка пришла в полдень, когда говенные прокураторы оформили все документы... Как случилось, что этот хренов Бьернссон не знал, кому докладывать в первую голову? Хороши ж у нас в округе специалисты, чтоб им сгнить...

Нетвицкий врезал каблуком по стенке стола, на котором сидел, и болезненно поморщился.

– Ладно, – негромко сказал он, доставая из кармана новую сигару, – все это, конечно, очень вовремя, черт его дери... Так, джентльмены. Ремер, Каминский и ты, Варакин, вы трое ищите Детеринга, Мосли и Бонаря. Ну, собственно, с Мосли все ясно – он в Йеллоустоне, просто хитрый крыс делает вид, что он прозрачный. За ним придется кому-то слезать. Бонарь на Авроре – это точно, больше ему и быть негде. С Детерингом хуже – я без руля, где он может быть... То ли на Сент-Илере, то ли где еще. В конце концов, свяжитесь с его женой, с сестрами, кто-то же должен знать, где его носит!.. К вечеру нужно найти всех. Потап, твоя задача – досье на этого Леруа, я его почти не знаю. Полное досье, до последней мелочи. Людей с кристально чистым прошлым не бывает, сам знаешь. Времени тебе даю сутки. Ровно сутки, Потап. Кто это там с умным видом курит под окном? Королев? Вот ты и полетишь с Фишером на Кассандану. Через полчаса вы должны быть в Дезерт-Плейс.

– Полчаса? – изумился Фишер.

– Проклятие! Я уже заговариваюсь с вами. Полтора, разумеется! Через час вас будет ждать мой «девятиностый» – его подгонят на крышу. Полное снаряжение, мундир. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось. Мы с Фишером вышли первыми.

– Вот это мы вляпались, а!.. – Фишер с досадой сплюнул и втоптал окуроч в пол кабины лифта. – Сейчас начнется сумасшедший дом, клянусь своими потрохами. Оба Фаржа, а...

– Гнусно, – кивнул я.

– Да уж, – хмыкнул Фишер, – я таких историй не припомню.

Мы вышли из огромного здания на тротуар. Я шагнул к автомобилю.

– Тебя подбросить, Ларс? Нам по пути.

– Ага, я как раз хотел попросить, я сегодня без колес... Лихо ж ты тачку поставил. Спешил?

– Не то слово... Каминский так психовал, я испугался как бы у него кишка на улицу не выпала.

– У такого выпадет, как же. Хе!.. Нетвицкий, конечно, в ужасе, и, что самое интересное, – вся компания неизвестно где. Закон бутерброда, а?..

– Что ты об этом думаешь? – спросил я, трогаясь.

– Я, честно, не знаю. Но вообще-то говоря, мне об этом думать просто не хочется. Это такое дерьмо, о-о-о...

Фишер задумчиво потер подбородок.

– И видит Бог, корешки этой истории растут не на Кассандане.

– Где же по-твоему?

Он пожал плечами.

– Быть может, в Метрополии... или где-то еще. И было бы хорошо, если бы Фаржи просто кому-то помешали. Боюсь, все гораздо сложнее.

– Или проще?..

– Тормози давай... ну, привет твоему коту.

– За тобой заехать?

– Не стоит... я еще успею кое-куда подскочить. Встретимся у Джо.

Я проехал два квартала и остановился на подъездной дорожке, ведущей к здоровенным кованым воротам моего участка. Этот особняк я купил полгода назад, причем за бесценок. Разумеется, не просто так. Купить старинный дом в готическом стиле плюс землю – около гектара – за ту сумму, в которую мне все это встало, было, конечно, нереально, но случилось так, что один лихой тип имел меня в виду, и когда на горизонте появились подробности некой сделки, дом был очень быстро продан мне со всеми потрохами.

Кота я, как всегда, отнес к соседям – рядом со мной проживала милая немолодая чета, не имеющая дурной привычки задавать вопросы. У соседей Эрика ждала, как всегда, весьма бурная половая жизнь, так как старики держали пару очаровательных кисок, относившихся к Эрику более чем благосклонно. Рыжий бандит был бандитом во всем.

Я влез в черные галифе, затем натянул мягкие остроносые ботфорты на высоком каблуке и сунулся в шкаф в поисках галстука. «Стоп, – вдруг сказал я себе, – галстук... какой, к черту, галстук. Кассандана! Я ж лечу на Кассандану!»

Я сел на мягкий пуфик и взял с туалетного столика сигарету. Кассандана... Перед глазами стояло запрокинутое в сладострастном порыве лицо Натали. В постели миледи была просто бесподобна... Будет обидно побывать на Кассандане и не нанести визит вежливости. Даже не просто обидно, а как-то глупо.

Я застегнул на шее «удавку», надел френч, щелкнул пряжкой пояса, пропустил в прорезь под левым погоном ремешок португеи и глянул в зеркало. На меня смотрел неопределенного возраста мудила в мундире флаг-майора имперской СБ, счастливый обладатель всклокоченной гривы и помятой физиономии, свидетельствующей о запойном образе жизни и отсутствии направляющей женской руки. Сам я с таким красавцем и здороваться бы не стал. Но тем не менее это был я – доблестный спаситель и покоритель. Что она, интересно, подумает, увидев меня с таким грызлом? Бравый вояка; для завершения образа следовало бы еще обляпать жиром обшлага кителя и с неделю не бриться.

Тщательно причесавшись, я застегнул португею и вышел из спальни. Из сейфа в кабинете я извлек свой боевой кофр весом в тридцать четыре килограмма, набитый всякого рода туристским снаряжением вроде шлема, бронекомбинезона, мобильных антигравов, а также несметным количеством хитроумных устройств для проделывания дырок в теле оппонента. Кофр составлял весь мой багаж, так как тащить с собой цивильные шмотки я не собирался – все купим на Кассандане. Обременять себя лишним весом не было смысла.

Через двадцать минут я въехал на служебную стоянку «тройки». Когда я распахнул багажник, рядом со мной мягко затормозил ультрадорогой «Викинг-Конкеррор» Фишера.

– А вот и я, – приветствовал он меня, выбираясь из приятно пахнущего салона. – А мы, кажется, вовремя? Ты, кстати, не поинтересовался, какая погода в Порт-Кассандане?

– Дождь, надо думать, – пожал я плечами, вытаскивая из багажника кофр. – Ты же знаешь, какая там зима – они дают прогноз от силы на сутки.

– А мы там будем утром, – усмехнулся Фишер.

– Что?! Субрейдер?

– Ага, дружище. Я надеюсь, ты не догадался плотно пообедать?

– Кровь Христова! Хоть бы в самом деле не обделаться на разгоне, будь я проклят. Амортизаторы у них только на боевых постах, да?

– Истинно так. Тебе приходилось?..

– Такое ускорение – только на гравиполигоне.

– Тогда я тебе сочувствую. Идем...

Фишер легко подхватил свой кофр и зашагал к тыльному входу в огромную стеклянную башню Третьего управления. Я поплелся следом за ним, волоча свою серебристую заразу.

Честно говоря, я был доволен, что лететь довелось именно с Ларсом. Полковник Фишер слыл у нас за редкого циника и большого интеллектуала. Никто лучше его не умел опустить оторвавшегося полицейского или измазать дерьмом тонкую душу окружного прокурора. Осуществляя по долгу службы контроль за деятельностью правоохранительных сил, постоянно имея дело с наглыми ворами и рэкетирами в среде копов и прокураторов, Фишер приобрел довольно своеобразный взгляд на вещи. Своих клиентов он считал гнусными паразитами, а всю судебную-правовую систему Империи – огромным нужником. За десять лет общения со всей этой публикой Ларс закалился, как клинок – копы Метрополии слабели ногами при одном упоминании его имени, ибо полковник Фишер был беспощаден.

Он чем-то неуловимо напоминал мне моего патрона полковника Детеринга – возможно, своим странноватым юмором... Правда, Танку далеко было до того непробиваемого презрения, с которым скуластый блондин взирал на мир. Офицерского кодекса чести, впрочем, Ларс придерживался свято, и со своими он был отличным парнем.

С Ларсом Фишером смело можно было лезть в любую дыру – он не боялся неприятностей, прекрасно понимая, что шансов дожить до старости у всех нас не так уж много.

Антигравитационная кабина вознесла нас на сороковой этаж, и мы вошли в кабинет Джо Нетвицкого. Генерал был один.

– Ага, – он встал и подошел к нам. – Вот и вы, голубчики. Ну что ж, ребята... Инструктировать я вас не стану, я знаю не больше вашего. Вас ждет милорд Харрис, он вам все и объяснит... и вот что: постарайтесь поменьше скандалить с местными копами, у Харриса с ними не лучшие отношения.

– О'кей, – безразлично пожал плечами Фишер, – тогда до связи. Катер?

Нетвицкий молча протянул ему прозрачную пластинку иммобилайзера.

– До свидания, генерал, – вежливо кивнул я.

– К бою, парни, – улыбнулся он.

Фишер, стоявший уже в дверях, не оборачиваясь, поднял над головой затянутый в черную перчатку кулак.

На одной из посадочных мишеней огромной плоской крыши здания нас ждал черный, сверкающий полированными боками «TR-90». На гладкой броне катера серебрились капельки вновь заморосившего дождя. Фишер отвалил в сторону атмосферный люк, забросил внутрь свой кофр и влез сам.

– Давай свой кейс, – услышал я.

Просунув в люк неподъемный сундук, я запрыгнул в темное нутро катера.

– Закрывай калитку, – скомандовал Фишер, устраиваясь в левом пилотском кресле и надевая на голову тонкий обруч системы связи. – Поехали.

Я уселся в правое кресло и достал сигарету. Фишер запустил двигатели, мельком глянул на приборы и мягко поднял катер в воздух. Город под нами с нереальной быстротой исчез, уступив место сплошной туманной дымке.

– Что мы вообще имеем по Кассандане, Ларс? – спросил я.

– Ничего, – пожал плечами Фишер, – Ярга нашли в роще, в десятке километров от виллы, расстрелянного в клочья. В руке у него был пустой бластер. Рядом – труп его коня.

– Он пытался отстреливаться?

– Видимо, да. Но следов – ноль, да это и понятно: ублюдки прилетели на антигравитационной платформе. Дело занимается местная, будь она неладна, прокуратура, но со мной они спорить не станут.

– А Харрис?..

– Что Харрис? Харрис такой же контрабандист, как все остальные. Есть у него пара смышленных ребят, но Харрис – он на Кассандане, а мне на Кассандану начхать. Мне вообще на все начхать, и все это хорошо понимают. Хых! Ублюдки!.. Ты был когда-нибудь на Кассандане?

– Мельком... сопровождал Бонаря и Детеринга.

– Ну и как тебе?

– Нормально. В известном смысле куда круче, чем в Метрополии. Жизнь бурлит... а что?

– Скоро ты с этим сортирным бурлением познакомишься поближе. И уверяю тебя, твои восторги поутихнут. Я тебе вот что скажу: никакой скандал для меня так не противен, как скандал на Кассандане. А тем более в нашем деле... Кассандана – это нечто: тамошние копы оторваны в корень, такого, как на Кассандане, ты больше нигде не увидишь. Если к тебе посреди улицы подойдет такое оторванное рыло в патрульной форме, то сперва бей его ногой в промежность, а потом уже доставай удостоверение.

– А в грызло можно? А то после моего удара в промежность мне уже не придется с ним беседовать. С ним будут беседовать предки... или хирурги, если он везучий.

– Можно и в грызло. Дело в том, что подойти он может с одной просьбой – ссудить ему немного денег. А если не дать, за углом с тобой могут произойти любые чудеса.

– Прямо уж со мной.

– Ну, с тобой, может быть, и нет, а с обычным приезжим – запросто. Кассандана – это край правоохранительного беспредела.

– Интересный термин. И что, это все прямо в столице?

Фишер снял правую руку со штурвала и потянулся в карман за сигаретой.

– Саша, тебе никогда не приходилось иметь дело со статистикой должностных преступлений в судебно-правовой системе?

– Откуда? Это же совсем не мой профиль.

– Так вот, даже те цифры, которые до меня доходят – а эти цифры, заметь, только то, что является результатом возни и обыкновенного стукачества внутри этой задницы, – они ужасны. Ты не представляешь себе, какие масштабы имеет в колониях полицейский рэкет. А что творится в судах!.. За соответствующую сумму ты можешь быть оправдан по любому обвинению. Без, подчеркиваю, помощи адвокатов. Или, наоборот, осужден – за преступление, к которому ты не имеешь ни малейшего отношения. Или еще хуже – за преступление, существующее только в голове прокураторов. Они, подонки, сами говорят – были б у клиента деньги, а как их из него вытряхнуть, мы уж придумаем.

Фишер умолк, задумчиво посасывая сигарету. Я глянул на часы: до Дезерт-Плейс нам оставалось около десяти минут – катер жарил вдвое быстрее пассажирского лайнера.

Я поскреб подбородок. Черт, утром брился, а уже щетина пролезла. Н-да... вляпались мы в дерьмо, однако. Что бы там ни было, но решиться на убийство генерала из администрации СБ, человека с огромной властью, человека с поистине необозримыми связями, да уж... это надо быть или дьявольски сильным, или очень-очень глупым. Считать себя непробиваемым? Какая самонадеянность, однако. И, наконец, что же убило милорда Майкрофта – известного политика, бизнесмена, уважаемого экономиста?

– Да-да, – услышал я голос Фишера, – да, двадцать четвертая мишень, сектор северо-запад. Понял... к заходу готов.

Он быстро пробежался пальцами по сенсорам панели управления и отдал штурвал от себя. Катер послушно завалил свой острый нос вниз. На обзорных экранах мутно мелькнула клочковатая пелена облачности... вслед за ней в глаза мне выстрелила панорама колоссального военного космодрома Дезерт-Плейс. Раздраженно взревели реверсируемые моторы. Замедляясь, «девятиный» упруго скользнул в сторону северо-западного сектора. Под нами пронеслись торчащие в небо взлетные аппарели центрального патрульного дивизиона. Фишер повернул штурвал чуть вправо... снова рывкнули моторы. Хриплый рык сменился свистом посадочной системы. «TR-90» был «безногим» – он садился прямо на плоские фланцы своего вогнутого брюха, поэтому привычного хлопка отстрела стоек посадочных опор не было.

Я вылез из кресла и потянулся в карман за предусмотрительно захваченными солнцезащитными очками. Фишер снял с головы блестящий ободок с наушником и подвесным микрофоном, нахлобучил фуражку и потянулся.

– Как насчет пары шашлычков, Алекс?

– Спасибо, – поперхнулся я, – эт-то уж на Кассандане. Я размышляю, не посетить ли мне сортир.

– Вздор, – барственно взмахнул рукой Фишер, – стыдитесь, флаг-майор.

Внизу нас ждал унылого вида унтер-офицер в шортах, до пупа расстегнутой форменной рубашке и криво надетой пилотке.

– Э-э-э... полковник Фишер и флаг-майор Королев? – безразлично поинтересовался он.

– Ты б еще в ухе поковырялся, – засмеялся Ларс, – не кормят вас тут, что ли?

– Прошу, – унтер, явно пропустив его слова мимо ушей, лениво махнул рукой в сторону болтавшейся рядом антигравитационной платформы.

Платформа, передвигавшаяся столь же энергично, как ее снулый кормчий, доставила нас к аппарели, увенчанной хищным черным острием субрейдера класса «Газель». Под одной из опор аппарели со скучающим видом курили две дамы в темно-синих флотских комбинезонах: брюнетка лет двадцати трех с погонами майора и коротко стриженная юная блондинистая лейтенантка с потрясающе бесстыжими серыми глазками.

Фишер скорчил недоуменную мину.

– У вас тут дамский экипаж, девочки?

– Полковник Фишер? – не выпуская сигареты изо рта, спросила темноглазая майорша.

– Хир-ра! – заорал вдруг Фишер, и я не сразу понял, что это должно означать «смирно». – Вообще озверели, кошечки?

Скуластая физиономия Ларса опасно заострилась.

– Потрудитесь доложить как положено, господа офицеры. Или я вам мудодей какой-то?

– Майор Маринина, командир борта... лейтенант Парелли, штурман борта... к вашим услугам.

– Вот так-то, – неживым голосом констатировал Фишер. – К взлету, господа.

Я хмыкнул и вслед за Парелли ступил на пупырчатый пластик подъемной пятки. Майор Маринина, козырнув, исчезла в тесных недрах корабля, а молоденькая штурманша повела нас узкой кишкой коридора второго уровня. Мы остановились перед овальной дверью двухместной офицерской каюты.

– О готовности к старту докладывать по «линейке», – буркнул Фишер, переступая через высокий комингс, – можете идти, лейтенант.

– Чего ты на них запрыгнул? – спросил я, когда мы остались вдвоем.

– Алекс, – Фишер передернул плечами, – я не выношу распушенности, ты знаешь. Унтер этот... как будто его полдня в анус баловали, эти куклы... Это что – Военно-Космические Силы или шмаролет какой-то?

– А сам ты как считаешь?

– Ты зря, вот это вот, ухмыляешься. Устав пока еще никто не отменял. Я, конечно, не отношусь к породе «старых кавалеристов», но, заметь, я ведь не лезу в уши первым, а?

– Ну... вероятно. Я, однако...

– Саша, – Фишер содрал с себя «сбрую» и развернулся в узком пенале каюты лицом ко мне. – Саша, если уж по уму, то это ты должен был их облаять. Ты, Саша – как младший из нас по чину. Или у нас на плечах блямбы дерьма, а не погоны, а?

Я махнул рукой.

– Ларс, ты в некоторых вопросах прямолинеен, как фонарный столб.

– А ты – излишне извилист, дипломат ты наш. И знаешь, – Фишер небрежно бросил китель на узкую, как клинок, койку и выдернул зубами сигарету из пачки, которую держал в руке, – и знаешь, слишком много хорошего воспитания – это тоже минус. Я понимаю, ты у нас воплощение чести и доблести имперского офицера, тебя прямо позолотить хочется. Но, поверь моему опыту, если ты и дальше будешь жарить в этом ритме, кое-кто начнет вытирать тобой задницу. И что тогда? Хвататься за меч?

– Предстартовая статическая, – пробулькал скрытый в потолке терминал линейной связи.

Фишер сел в высокое узкое кресло у стены и слегка откинул его спинку.

– Ложись в койку, – посоветовал он, – и не забудь расстегнуть галифе. Сейчас из тебя глаза полезут... как дерьмо из любимого тюбика.

– Да уж, тут ты прав.

Я лег на кровать, которая послушно приняла меня в свои упругие амортизирующие объятия, и расслабил пояс.

– Стартовая статическая, – сообщила «линейка».

Фишер тщательно задавил в пепельнице сигарету.

– Стартовая осевая... три... два... один... zero, старт.

Субрейдер ощутимо дернулся, каюта наполнилась низкочастотной вибрацией и неистовым рыком двигателей. Перегрузка мягкой лапой надавила на грудь.

Вибрация прекратилась, рев моторов перешел в нудное гудение. Это была только прелюдия – корабль сорвался с аппарели и по нештатному коридору устремился на орбиту. Сейчас штурманы переругаются с диспетчерами поста ВКС Метрополия-внешний, затребуют ввод по эшелону резерва и сориентируют по модификациям курсовой оси. И пошло-поехало. Могучие моторы предельно облегченного корабля начнут сверхсветовой разгон прямо в планетной системе Метрополии.

Я, правда, теоретически вполне оптимизирован для предстоящей экзекуции, но то теоретически... хотя, если учесть, что десять лет мой несчастный организм мучили на гравиполигонах... ну, посмотрим. Правда, летать на субрейдере мне еще не приходилось. Компактная посуда, на которой все удобства и даже частично вооружение принесены в жертву

скорости, имеет амортизирующие системы только на боевых постах экипажа. А уж о ячеистых компенсаторах, как на крупных кораблях, здесь и мечтать смешно.

Снова началась вибрация – более ощутимая, чем на старте, и наконец хлынул всепоглощающий, ломающий барабанные перепонки рев. Ощущения были непередаваемые – дышал я через два раза на третий, перед глазами прыгали чертики всех цветов и оттенков, в желудке творилось нечто невообразимое. Все это продолжалось неимоверно долго. Время расслоилось, превратившись в осязаемый мутный поток, лениво продирающийся через страдающие атомы моего тела. Затем оно вдруг завертелось в каком-то неистовом танце, слипаясь в отвратительный подрагивающий комок; комок стал раздуваться, превращаясь в радужно сверкающий пузырь, внутри которого болтался я – никчемный и беспомощный, а потом пузырь звонко лопнул. Я вернулся в реальный мир и открыл глаза. Рядом сидел белый как снег Фишер.

– Ну, и как? – задумчиво спросил он.

– Довольно странно, – ответил я. – Совсем не так, как на полигоне. У тебя были глюки?

– Это та самая гравифизика, дорогой... тут действует какая-то ахинья с гравитационной осью и модификацией энергий. Мы рывком проламываемся через точку, в которой время изменяет свойства полей, отсюда и глюки. Понятно излагаю?

– Бред... А компенсаторы, получается, делают процесс более линейным?

– Компенсаторы, создавая собственное субполе, просто размазывают тебя по времени в момент прыжка. Время, если помнишь, само по себе процесс относительно линейный.

– Да что я могу помнить, я никогда в этих делах мышей не ловил. А торможение?

– Можешь спокойно ужинать, – хохотнул Фишер, – тормозить лбом в ворота не умеет даже субрейдер. Я, кстати, собираюсь грызнуть чего-нибудь. Идешь?

– Не знаю, как там насчет модификаций, – проворчал я, спуская ноги на пол, – но у меня лично это кино съело просто уйму энергии. А что у них, кстати, с рационом? Здесь и на харчах вес экономят?

– Рацион как рацион. Как везде. Так идешь?

– Иду, естественно. Обожди минуту...

Я раскупорил кофр и достал припасенную для этого случая пилотку. На рубашке у меня были маленькие погончики, и китель я надевать не собирался. Я снял с пояса петли портупеи и напялил его вместе с внушительного вида кобурой прямо на бедра, поверх галифе, на ковбойский манер.

– Не забудь застегнуть штанишки, дядя, – бодро посоветовал Фишер. – Ух, ну и видик у тебя! Опора Империи, иначе и не скажешь. Слушай, ты, часом, из мамы не в мундире вылез, а? Тебя ж надо на рекламу Вооруженных сил снимать. Знаешь, вроде: «Ты! Почувствуй себя настоящим человеком! Армия осуществит твои мечты!» Заработаешь гору монет.

– Такой бред мне в голову не приходил, – честно признался я.

– Это оттого, что у тебя отсутствует коммерческая жилка. Ничего, со временем научишься.

Мы вышли из каюты, и Ларс уверенно двинулся в сторону носового сектора.

– Ты вообще в курсе, где у них кухня? – поинтересовался я.

– Кухня, она же кают-компания, в носу. А нос тут недалеко, сам понимаешь. Полкорабля – это моторы и энергоотсеки.

Мы поднялись на следующий уровень, миновали распахнутую межсекторную диафрагму и метров через десять свернули направо, к гостеприимно распахнутой двери кают-компания. За небольшими кормовыми столиками сидели несколько человек: командир, трое молодых парней и хрупкая девушка с погонами унтер-офицера. При нашем появлении они хором подскочили, один из парней – юный лейтенант с оттопыренными ушами – аж стул опрокинул.

- Вольно, – бархатисто скомандовал я. – Приятного аппетита, господа.
- Ты что есть будешь? – спросил Фишер, подходя к панели кибера-«харчильника».
- Крабы у них есть? – Я взгляделся в меню. – Ага, крабов, салатик и пиво...

Фишер кивнул и потыкал пальцем в сенсоры. Взяв мясо с овощами и пару пива, он отошел к ближайшему столику. Я выхватил из пасти раздачи свой поднос и подсел к нему.

- В какое время мы прибываем, не знаешь?
- Хрен его... – жуя, пожал плечами Фишер. – Командир!

Оживленно болтающая майор Маринина быстро поднялась и с официальным выражением лица подошла к нам.

– Майор Мари...

– Присядьте, прошу вас, – устало оборвал ее Фишер, – и не делайте обиженного лица, вам это ужасно не идет. Нас интересует, в какое время мы прибудем в Порт-Кассандану. Только не говорите мне, что вы не знаете. Этим вы меня ужасно огорчите.

– Я рассчитываю – в 16.00 по местному времени.

– Н-да... учитывая их 26-часовые сутки, это еще ничего. Когда вы уходите в Метрополию?

– Как когда? – захлопала ресницами командир. – Согласно вашему распоряжению... когда прикажете.

– Ах вот как... Гм... Нетвицкий мудр. Я и не знал, что вы предоставлены в наше распоряжение.

Я дожевал последнего краба и отодвинул тарелку в сторону. Майор Маринина мне нравилась. В молодой женщине чувствовалась уверенность и сила. Такая не станет изводить всякими идиотскими мелочами или невротической беспомощностью, в случае чего с ней можно идти в бой. А кто знает, куда нас черти занесут в истории с этим расследованием?

– Выходит, у нас есть корыто, – я отхлебнул пива, – это уже хорошо.

– Н-да... – Фишер кивнул. – Как вас зовут?

– Ариана, – Маринина подняла брови. – А что, это имеет какое-то значение?

– Ариана Маринина, – смакуя, произнес Фишер и мечтательно посмотрел на нее, – ну, не хмурьтесь. С таким красивым именем хмуриться просто пошло. И давайте позабудем об этом инциденте... перед стартом. Будем считать, что его просто не было, о'кей?

Она вымученно улыбнулась. Хитрая рожа Фишера не особенно располагала к доверию.

– Я могу идти? – спросила она.

– Конечно. До завтра. Не забудьте нас разбудить. Ишь ты какая, – проворчал Фишер, провожая ее глазами. – Как, всыпал бы ей пяток палочек?

– Можно и больше, – усмехнулся я, – но на Кассандане меня ждет фрукт получше.

– Вот как? – Ларс округлил глаза. – Когда это ты успел?

– В отпуске, в горах.

– М-м... молодец. Ну ладно. Возьми-ка еще по паре... или нет, по три пива, и идем пораскинем мозгами.

Я загрузился у «харчильника» пивом, и мы вернулись в тесный пенал нашей каюты. Фишер сел на нижнюю койку, прислонясь спиной к переборке, я занял единственное кресло. Ларс раскупорил банку пива, вытащил из ее верхней части самораспадающийся стаканчик и, задумчиво глядя на пенную струйку, произнес:

– Вот он, антистрессин... и нечего всякие таблетки придумывать. Н-да... тут вот какое дело, Алекс. Я все думаю, думаю, а ничего толкового придумать не могу. Но ты все ж таки послушай. Как гласит древний принцип всадника, одна голова – хорошо, а две лучше.

– Ну-ну, – пошевелился я.

– Так вот. Мысль о причастности мафии я отбрасываю напрочь как полный бред. Это чушь, ни один «папа» никогда не станет ссориться с таким людьми, как клан Фарж. Все

под Богом ходим, а? Одного Детеринга с его мозгами – я уж не говорю про его влияние – хватит, чтобы всей этой публике испортить здоровье на многие годы. Допустить, что Фаржи подложили колоссальную свинью кому-то из политических фруктов, я могу, но, гм... Фаржи колониальной политикой не увлекались.

– Пахнет Метрополией?

– Опять-таки: милорд Майкрофт стоял до того хорошо, что, говорят, претендовал на портфель министра экономики в следующем правительстве. Это, понятно, не шуточки. Он многое поставил на это дело, очень многое. Но, Алекс, политическая камарилья не действует откровенно гангстерскими методами!..

– По-моему, методы у них бывают еще те. Вспомни, к примеру, предвыборную кампанию милорда Борна.

– Да, но не убийство эсбэшного генерала! Или они тоже модифицируются?

– Давай не будем пока раскапывать все эти чисто политические моменты, Ларс. Попробуем обсосать посылку об абсолютной неожиданности происходящего. Скажем себе: это – из ряда вон.

– И дальше? Станем гадать на пальцах? Выдергивать волосы из задницы? Понимаешь, я не верю в чудеса. Да, мы живем в удивительном бедламе, но этот самый бедлам более-менее стабилен, правила игры не меняются, ибо именно стабильность выгодна большинству. И я мыслю логикой этой стабильности. А логика стабильности ведет нас в мир масок. Ты никогда не задумывался о том, что мы живем в мире масок?

– Ну, каждая разумная раса имеет свой стереотипный ряд. Но стереотипы тоже эволюционируют, да и оценка стереотипа не может производиться в узкой психокоординатной системе...

– Слишком умно. То есть да, конечно, но нельзя мыслить такими размазанными категориями. Психокоординатная оценка... а ты представь себе именно маски – причем представь весомо... этакий длинный ряд стандартов, шаблонов. Вот, к примеру, префект из Метрополии – паренек лет сорока, дорогой костюм, терминал под мышкой, наклеенная улыбочка, ослепительные зубки и взгляд сквозь тебя. И усыпляющий такой баритон. И башка у него, как на шарнире – вжик-вжик, вперед-назад. А? Или колониальный шериф: здоровенный бубен, сидящая голова, висячие прокуренные усы, полные свинского самодовольства глаза, сигара в кармашке и большие пальцы, засунутые под подтяжки. Видел таких?

– Видел, – рассмеялся я, – очень похоже.

– Вот я и говорю, что мы живем в мире масок. Тот, на кого маску надеть нельзя, человек или очень опасный, или очень полезный. Но представить такого человека мне лично просто. Я таких знаю всего лишь несколько. Поэтому я и считаю, что исходить следует из все той же логики масок. И в рамках этой логики я могу допустить, что где-то появился кто-то, кто решился сильно рискнуть и схватить в итоге большой жирный кусок. Но «где-то» – это, убей меня Бог, в Метрополии. И когда мы сумеем вычислить его маску, мы сможем думать и о том куске, на который он разинул пасть.

– Знаешь, Ларс, я, конечно, не верю в чудеса, но в Галактике бывает всякое. В данный момент во мне сидит нечто, что говорит мне: это не просто интриги, нет, это нечто странное и пугающее.

Фишер покачал головой.

– Да уж, тут есть отчего испугаться. А чутью, пожалуй, следует доверять. Чутье – великое дело... Ладно. Будем надеяться, что на Кассандане мы найдем какие-нибудь хвостики этой истории. Спешить пока не стоит. Э-э... нам еще предстоит разборка с местной прокуратурой. Поэтому давай-ка спать. Я чувствую себя каким-то разбитым...

Глава 3

Атмосферный маневр был проведен с безукоризненным изяществом. Взрыкивая планетарными двигателями, «Газель» плавно опустилась на одну из посадочных мишеней центрального космопорта. Через минуту мощный робот-буксировщик уволок ее хрупкое тело под своды транспортного терминала «Харрис корпорейшн».

Фишер лениво выпростал тело из аморткресла в командирской рубке.

– Приехали... Ариана, строиться не будем, это здесь ни к чему. По экипажу готовность два, далеко не разбредаться.

– Ясно, полковник, – пахнувшая дорогими духами Маринина сдержанно улыбнулась.

– И не пьянствовать по возможности. Провожать нас не надо.

Под трапом нас ждали двое сурового вида мужчин в плащах местного покроя с отороченными мехом капюшонами. Одного из них я знал – это был Рэй Борман, лейтенант клана Харрисон. Второй – крепкого телосложения коротко стриженный брюнет – показался мне тоже знакомым, но вот имени его я вспомнить не мог.

– Ага, – ухмыльнулся Фишер, переноса ногу через высокий комингс шлюзового люка, – Гречко и Борман, рад вас видеть. Как тут у вас с погодой?

– С погодой отлично, – широко оскалился Борман, – как долетели?

Я представился мастеру Гречко, последовало быстрое двойное рукопожатие, и мы зашагали по отделанным коврами коридорам. На небольшой площадке, огражденной розовым шнуром силового барьера, нас ждал легкий пятиместный коптер.

– Кто сейчас ведет расследование? – поинтересовался Фишер.

– Старший следователь Эгон Миллер из планетарной прокуратуры, – скривился Гречко, открывая дверь коптера.

– Вы с ним как вообще?

– Мы с ним вообще никак, – ответил Борман. – Это редкая гнусь. У него собственный рэкет на таможне и среди содержателей борделей. А братец его ведает выдачей лицензий на проституцию.

– Милая семейка, – хмыкнул я, устраиваясь на кожаном диване в салоне коптера.

– Точно, мастер Алекс, – Борман сел за штурвал и запустил двигатель. – Точно, что милая.

– Хрен с ним, разберемся, – махнул рукой Фишер, – не он первый. А по экспертизе что-то есть?

– Там, честно говоря, поднялся очень большой шум, – виновато ответил Гречко, – кое-кто видит в этом деле шанс рвануть карьеру. Так что мы еще не успели...

– Как же, как же... карьеру. Размахнулись. Глупые люди: в любом случае я имею полномочия прокуратора Метрополии и всю их лавочку на подоконниках построю. Просто скандала не хочется, не нужен нам лишний шум. А на брательника этого Миллера нажать? Или – ни-ни?

– Да можно, – осклабился Борман, – тем более что эта рожа кое-кому поперек денег торчит... но ведь опять же – шум.

– Ага, – согласился Фишер, – опять же шум... да. Ну а вы-то сами, орлы, как – при делах? Если честно?

– Вторые сутки не спим, – обернулся с переднего сиденья Гречко. – Я так вообще... меня из борделя вынули.

– Ну и?..

– Могу сказать почти точно – вряд ли это местные. Мы уже пол-Кассанданы с ног на голову переставили, пяток бубнов размазали... никто ничего не знает. А искать где-то

кого-то – как? Да и сами посудите, мастер Фишер: на планету ежесуточно прибывает по два миллиона рыл. И столько же убывает. А порою и больше... Мы, конечно, на таможенных распоряжения дали, но искать-то кого? Санта-Клауса?

Коптер пошел на посадку. Под нами шумел лес, наклоняя гибкие тела деревьев в такт хлестким порывам мокрого кассанданского ветра. Машина выскочила на опушку, едва не касаясь брюхом цепких ветвей с насекомоядными головками, и, замедлившись, плавно усе-лась на приемно-стартовой пятке воздушного комплекса виллы милорда Харриса. Повину-ясь команде с коптера, пятка скользнула вниз, перенося нас в обширный подземный ангар.

В ангаре нас встречал сам милорд – крупный краснорожий дядька в шикарном, мех с кожей, камзоле. Медный колер его физиономии имел космическое происхождение – в молодости (то есть лет шестьдесят тому) Харрис немало полетал и немало дел накрутил в молодых еще колониях. Здесь же среди прочих находился один из его зятьев – милорд Иоахим Касьян, элегантный и подтянутый сорокалетний магистр экономики, главный бух-галтер семьи.

– Джентльмены, – любезно шагнул к нам Харрис, – джентльмены, я рад приветствовать вас на Кассандане. Я... гм... скорблю вместе с вами – ведь Фаржи были и моими друзьями, и, если можно так выразиться, соседями...

Фишер тяжело вздохнул.

– Мы очень рассчитываем на помощь вашей семьи, милорд.

– Да-да... я весь, весь к вашим услугам. Все, что угодно – вам стоит лишь приказать... – Харрис сделал приглашающий жест: – Если вы не возражаете, через полчаса я буду ждать вас в гостиной... там готовят стол, и мы сможем спокойно побеседовать.

Спортивного вида парень донес мой кофр до шикарных апартаментов на втором этаже левой башни виллы и объяснил, как его вызвать в случае необходимости. Впрочем, я сомне-вался, что его услуги могут мне понадобиться. Здесь, в самом сердце фамильной цитадели могущественного «папы»? Я не мог представить себе такую ситуацию. Да и к тому же много ль от него толку? По нужде я троих таких боксеров закручу в бараний рог одной рукой. Последние два года я довольно азартно налегал на физподготовку и боевую акробатику. Само собой, моя физподготовка весьма отличалась от спорта. Бегать по вертикальным сте-нам я еще не научился, но все же, все же...

Я провалялся с четверть часа в расслабляющем гелевом растворе, стараясь выветрить из башки кошмарные глюки сверхсветового разгона субрейдера, затем принял душ и глянул на себя, мокрого, в зеркало. Смотрелся я уже лучше, чем перед отлетом, но все равно до «бравого вояки» пару баллов не дотягивал.

Сумрачно матерясь, я побрился, наодеколонился и принялся одеваться. Завернув себя в мундир, я упрятал в сейф кофр с причиндалами и двинулся в сторону гостиной. Я здесь уже бывал и поэтому заблудиться не боялся. Если, конечно, милорд именно ту гостиную имел в виду.

Гостиная, к которой я устремился, представляла собой огромное, роскошно отделанное помещение на четвертом этаже центральной башни. Стены ее украшали редкой красоты ста-ринные гобелены с Росса, пол был выложен каменными плитками, сработанными из разно-планетных минералов, а потолок сходиллся вверх куполом и являл собой живую, чуть пуль-сирующую под влиянием гравитационных волн космическую бездну. Снимок, видимо, был сделан где-то далеко, из направления на Бетельгейзе – глаз опытного штурмана мог разли-чить солнце Метрополии и чуть левее по оси – Кассандану.

Фишер по обыкновению тормозил пятками. Никогда и никуда он не приходил вовремя. Хотя стол уже был накрыт. Харрис, правда, тоже где-то гулял. Возле огромных дверей гости-ной стоял милорд Касьян в дорогом костюме и вполголоса беседовал с высокой стройной

дамой зрелых лет. Дама, впрочем, была хоть куда – ее кокетливо приоткрытым (или, быть может, полуприкрытым) статям позавидовало бы немало юных обольстительниц.

Завидев меня, Касьян оборвал свою речь на полуслове и с улыбкой протянул мне руку.

– Рад вас видеть, мастер Алекс. Судя по вашим погонам, вы вновь получили повышение?

– Довольно давно, милорд... время летит быстро.

– Позвольте представить вам мисс Минарди, она наш ведущий консультант. Мисс Минарди, флаг-майор Алекс Королев...

– Кавалер... – хищно прищурившись, ухоженная дама протянула мне руку.

«Для полноценного общения с ней пришлось бы отрастить изрядную шею», – подумал я, касаясь губами ее пахнущей терпкими духами ладони.

– Милорд Харрис еще не прибыл? – осведомился я для проформы.

– Ждем, – ответил Касьян. – Это ужасное и неожиданное событие выбило весь дом из привычного ритма жизни...

– Кто ведет расследование с вашей стороны? – спросил я.

– Возглавляет Берков, вы его должны знать. С ним – Борман и Гречко. Но результаты...

– Касьян скорбно развел руками. – Местные правоохранительные органы – это, знаете ли, что-то трудноописуемое. Их рэкет принял просто угрожающие размеры. Дело доходит до вооруженных налетов на вполне легальные предприятия. А жаловаться – сами понимаете...

В дверях гостиной появились оживленно беседующие Харрис и Фишер.

– Господа!.. – Харрис бегло оглядел помещение. – Прошу к столу.

Народу было совсем немного. Присутствовали в основном люди, напрямую работающие по безопасности семьи. За стол, помимо нас, уселись Борман, Гречко и тощий как щепка Луи Берков, обладатель не по годам молодого умного лица. Рядом с Харрисом сел его старший внук Алан – недавний выпускник Академии бизнеса Метрополии. Я очутился между нахмуренным Борманом и мисс Минарди.

– Прежде всего предлагаю выпить за покой ушедших, – встал с рюмкой в руке милорд Харрис.

Мы встали. Дорогой коньяк почему-то не хотел лезть мне в горло. Меднолицый Харрис был хмур, и я его хорошо понимал. На секунду мне показалось, что все это уже было... я отогнал от себя странный морок и ударом вколотил коньяк в глотку.

– Полковник Фишер, – негромко произнес Харрис, – мисс Минарди, как вы знаете, наш главный специалист по полицейским проблемам.

Фишер задумчиво поковырялся вилкой в салате.

– Без сомнения, я ведение дела местной полицией останавливаю. То есть ведение дела официальным, так сказать, порядком. Но наверняка эти недоумки начнут свое, «левое» расследование. Будут путаться под ногами, творить всякого рода гадости. Следовательно, необходимо прочистить кое-кому мозги. Это, надеюсь, в наших силах?

Мисс Минарди пожала плечами.

– Боюсь, дорогой кавалер, вы не совсем представляете себе реальную обстановку. В последнее время столичная полиция перестала бояться вообще чего-либо. Они теперь трудятся в тесном контакте с прокуратурой Кассанданы. Разумеется, мы сделаем все, что будет в наших силах, но результатов я обещать не могу.

– Вот как? – поднял брови Фишер. – Что ж, благодарю. Я должен воспринимать это как свидетельство собственной слепоты. Я не был информирован, но в этом тоже моя вина, только моя...

– Мы живем с этим, – вяло махнул рукой Берков.

– Меры, без сомнения, будут приняты, – жестко ответил Фишер. – Чуть позже... Ну а пока следует сосредоточиться вот на чем: мне нужен человек, звонивший милорду Майк-

рофту. Если, конечно, он не покинул планету. И вы его мне найдете. У вас для этого есть все необходимые силы.

Борман мрачно ухмыльнулся.

– Здесь мы упираемся в необходимость тщательного анализа прошлого милорда, – осторожно подал голос Берков.

– Вот именно, – кивнул Фишер, – в Метрополии именно этим сейчас и занимаются. Но прошлое его здесь. Здесь! Что он мог начудить? Нехорошая махинация? Сложнодоказуемо. Да и вообще семья старая и почтенная. В Вооруженных силах он не служил, значит, военные преступления отбрасываем. Что еще почитается за грех в нашем грешном мире? Это наверняка какая-то мелочь, но взорваться она может как бомба, а?

– Кто-то ведь нашел ее, эту мелочь, – задумчиво произнес Касьян.

– Нужно дотошно обсосать все его привычки... быть может, пороки. Хотя... контрабандой наркотиков он уж точно не занимался. Зарезал кого-то в борделе, что ли? – хрюкнул Харрис.

Фишер развел руками.

– Все что угодно. Но это должно быть чем-то воистину мощным. И вообще – почему он застрелился? Ему пригрозили, что СДЕЛАЮТ, или сообщили, что УЖЕ СДЕЛАЛИ? Даже странно. Сделают то, если он сделает это... что? В конце концов, если он, к примеру, что-то этакое сумел унюхать и ему пригрозили... гм... ну так молчал бы – и дело с концом. А он – бабах в голову...

– Исходя из этого, можно предположить, что генерала боялись до такой степени, что и угрожать не стали, – заметил Борман.

– А может, не раскопали для него никаких «сюрпризов». Но в любом случае это какая-то очень, я бы сказал, самоуверенная сила. Расковырять прошлое милорда Майкрофта, решиться на убийство генерала Ярга... это серьезно.

– Нам тоже не следует настраиваться на карнавал, – кивнул Харрис.

– Да, без сомнения! Нужна полная мобилизация имеющихся ресурсов.

– Оборонительные мероприятия? – тревожно спросил Касьян.

– Не повредят, – ответил ему я. – Но, кстати, хоть кто-то в полиции у нас есть?

– В общем-то, да, – Харрис вопросительно посмотрел на Минарди.

– Все, что будет знать уголовка, будем знать и мы, – кивнула та, – ну и постараемся умерить пыл самых ретивых «борцов за справедливость».

– Это уже плюс, – согласился Фишер, наливая себе вина, – и учтите – я предупреждаю заранее – мы будем работать с развязанными руками, к каким бы последствиям это ни привело.

Милорд Харрис чуть поморщился.

– Какая, в конце концов, разница... Мы ведь понимаем, что рано или поздно нам придется атаковать их с открытым забралом. Тут все переплелось – столько людей, столько интересов... Копы не дают покоя даже там, где все абсолютно законно, они обложили данью всех. Вероятно, теперь они распоясаются окончательно.

– Не думаю, – покачал я головой. – Помимо Фаржа, существуют и другие люди.

– Абсолютно не заинтересованные в подобном беспределе?.. Вы именно это хотели сказать, мастер Алекс?

– Не мне вам объяснять, милорд, на каких тонких ниточках висит наш мир, – ответил я. – Вы сами это знаете не хуже меня. Хоть паутина и сложна, но она, увы и ах, очень тонка. Ну а бездна хаоса?.. Кому она выгодна? Уж не мне и не вам, нет. Возможно, выгодна тем, кто кайфует от своей грязной власти, тем, для кого ощущение безнаказанности стало наркотиком?.. А?

– Но на них имперский мундир, – вздохнул Касьян.

- На мне тоже, – парировал я, – правда, я ношу его на иной манер.
- Мундир не делает человека непробиваемым для приличного бластера, – глубокомысленно заметил Борман.
- В конце концов, да, – хохотнул Фишер.

* * *

Коп на входе с отсутствующим видом уставился на удостоверение личности Фишера, уже вынутое из пасти идентификатора. Смотрел он долго, и выражение лица у него было, словно у кикуса, то есть аж никакое. Да и сам он, этот капрал, являл собой квинтэссенцию тупой служебной скуки.

- Что ты там высматриваешь? – не выдержал я. – Голых девок увидал?

Коп медленно поднял глаза. Криво ухмыльнулся.

– Мастер Миллер принимает по вторникам. Запись на втором этаже. Комната два сорок, господа, – противно гундося, сообщил он и протянул Фишеру его «корки», способные до полусмерти испугать любого коллегу этого копа в Метрополии. Здешние же орлы, похоже, чувствовали себя слишком уж расслабленно.

Фишер тяжело вздохнул. Я понял этот вздох по-своему и ткнул капрала пальцем в солнечное сплетение. Когда пыльный урод стал медленно складываться, глаза его вдруг приобрели осмысленное выражение – выражение детского недоумения и обиды. Фишер, однако, не дал ему сложиться окончательно. Он схватил пострадавшего за ухо и твердо произнес:

– При появлении офицера службы безопасности Империи дежурному надлежит подать команду «смирно» и немедленно оповестить старшего начальника...

После чего колено полковника Фишера вошло в весьма тесный контакт с нижней челюстью дежурного по прокуратуре, и оный дежурный, мокро всхлипнув, все-таки сложился пополам, приняв эмбриональную позу – правда, уже на полу.

Тем временем прямо напротив нас распахнулись двери лифта. Из кабины вышли четверо полицейских в форме и моложавый мужик в мундире советника юстиции. При виде валяющегося на полу дежурного их лица вытянулись, словно резиновые маски.

- Что здесь происходит? – сверкнул глазами советник.

– Мне кажется, вам надлежит отдать честь и доложить о себе по соответствующей форме, – я упруго шагнул влево и положил ладонь на кобуру.

– Тихо там! – рывкнул вдруг справа от меня Фишер. – Ну-ка руки от оружия! Или вы думаете, что я стреляю медленнее вас?

В стане копов произошло легкое шевеление. Все они замерли на месте, как зачарованные глядя на руку Фишера, лежащую на расстегнутой кобуре.

– Это, собственно, я хотел бы узнать, что здесь происходит, в этом вашем борделе, – заявил Фишер. – На каком, интересно, основании дежурный нижний чин осмеливается нарушать все мыслимые и немыслимые нормы субординации, отказывается от выполнения возложенных на дежурную службу функций и при этом хамит офицеру СБ? А вы, милейший... вы, собственно, кто такой?

На советника юстиции энергичная речь произвела не меньшее впечатление, чем ребристая рукоятка «тайлера», видневшаяся в расстегнутой кобуре. Да и полицейские, верно, наслышаны были о скорострельности людей в черных мундирах.

- Я советник юстиции Юровский... С кем имею честь?..

– Флаг-майор Королев. – Чеканным движением я поднес два пальца к козырьку фуражки.

– Полковник Фишер, – презрительно отрекомендовался Ларс, – Второе управление, прокуратор Метрополии. Извольте ознакомиться с документами?

– Кому прикажете доложить? – суетливо бегая глазами, поинтересовался Юровский.

– А никому, – ответил я. – Где нам найти старшего следователя Эгона Миллера?

– Восьмой этаж, апартаменты восемь четыре, – лающе доложил один из копов.

Фишер боднул головой, и мы в полном молчании проследовали к лифту.

– Это только начало, – заметил он по пути на восьмой этаж. – Сейчас мы еще побеседуем с этим Миллером. Ну да ничего, не он первый...

Лифт вынес нас в просторный светлый коридор, устланный хорошим ковровым синтетиком бежевого цвета. Бежевую же дверь с табличкой «8-4» мы отыскиали без труда. Фишер надавил на сверкающую рукоять, и мы вошли в огромный, отделанный полированным деревом кабинет (сугубо колониальная роскошь), в глубине которого за объемистым письменным столом тощий, вполне респектабельный человек с лошадиным лицом, облаченный в дорогой костюм... с неподдельным интересом наблюдал за судорожными эволюциями мух с оторванными крыльями.

При нашем появлении он недоуменно поднял голову и несколько секунд в полном обалдении разглядывал Ларса, словно не веря своим глазам.

– Добрый день, – непринужденно поздоровался Фишер, – следователь Миллер, если не ошибаюсь?

– Да-да, – пришел в себя тот, – старший следователь Эгон Миллер к вашим услугам.

– Вот и хорошо, – Фишер плюхнулся в кресло напротив окна и извлек из кармана сигарету. – А я полковник Фишер из Второго управления. Вы, наверное, обо мне слышали. А вот этот молодой офицер – флаг-майор Королев. Мы к вам, собственно, по делу.

– По какому делу? – удивленно наклонил набок голову следователь.

– Ну как же. По делу об убийстве генерала Ярга Максимилиана Фаржа. Я намерен взять расследование в свои руки... это, знаете ли, дело наше – семейное, можно сказать.

– Ничего не понимаю, – нахмурился Миллер, – дело об этом убийстве расследуется прокуратурой Кассанданы, и меня никто не информировал о том, что в расследовании будут принимать участие чины службы безопасности.

– А кто ж вас должен был информировать? – все так же любезно спросил Фишер. – Уж не я ли? Так вот я и информирую. И вовсе не о том, что я буду принимать, как вы изволили выразиться, участие, а о том, что я полностью беру расследование в свои руки. А вам, то бишь прокуратуре Кассанданы, надлежит ведение дела прекратить. Ну а все имеющиеся у вас материалы по делу следует передать мне под соответствующей формы расписку.

– Как – прекратить? – взвился Миллер. – Как это прекратить? Я имею распоряжение старшего начальника...

– Но позвольте, мастер Миллер, – благодушно улыбнулся Ларс, – кто же, как не я, прокуратор Метрополии, и есть для вас тот самый старший начальник?

– Нет-нет, господа, – помотал головой Миллер, – вы же должны понимать – раз ход делу дан именно колониальной прокуратурой, значит, прокуратура и должна дело вести. А уж о результатах мы вас проинформируем, а как же...

Фишер бросил на пол окурок.

– Так. Хватит мне по ушам кататься. Миллер, мне нужны все документы – раз, и акт о передаче – два. Причем сейчас. У меня мало времени.

– Но я же ясно вам сказал, – вознегодовал следователь.

Фишер встал, подошел к столу, и его длинная правая нога совершила изящное движение, вследствие которого острый глянцевый-черный носок его ботфорта оказался на столе, а высокий скошенный каблук уперся в стенку тумбы. Положив руки на колени, Фишер разместил подбородок на сгибе локтя и горестно известил:

– Миллер, друг мой, я обещаю тебе неприятности, колоссальные и неисчислимые. Знаешь, таких, как ты – следователей то есть, – я кушаю на обед. А сейчас как раз дело к обеду. Что ты скажешь по этому поводу, дружок?

– Уберите ноги с моего стола! – заорал Миллер, вскакивая. – Что все это значит?

– Сядь, ты, животное, – ледяным голосом скомандовал Фишер, – сядь, включи терминал и пиши акт.

– Я не собираюсь ни хрена писать! Здесь не Метрополия, здесь Кассандана! А свои примочки оставь в казарме, ясно? Я здесь хозяин. И ни хрена ты со мной не сделаешь. А будешь сильно умничать, так вылетишь отсюда, как пробка из шампанского, слышишь?

Фишер поднял брови.

– Ах вот как? Хорошо мы поем... Ну а если сюда вдруг пожелует бригада следователей с полномочиями прокураторов Метрополии? И остро заинтересуется твоими делами, делами твоего братца и делами твоего заведения в целом?

– Ну и что? – фыркнул Миллер. – Да кому они тут нужны, твои следователи? Кто им что-то скажет? Пойми ты, чучело, Метрополия – это Метрополия, а здесь, повторяю, Кассандана. И свои вопросы мы решаем сами.

– Это конечно, – охотно согласился Фишер, – вы тут парни крутые, не дай Бог. Но мы-то ведь тоже не пальцем деланные. Мы, понимаешь, прямо сейчас можем устроить тебе смерть от несчастного случая. И, разумеется, ни одна собака не осмелится нас тронуть, потому как эсбэшных людей, тем паче при исполнении, трогать ну никак нельзя. Ты, наверное, слышан о наших талантах, а? Ведь нам приходится воевать не с сутенерами и нарками, а с людьми куда как более суровыми. Ну так что, дружок, закончим полемику при помощи аккуратного кровоизлияния в мозг? От такой хвори ни один реаниматор не вылечит. Какие будут мнения, джентльмены?

– Ну и хер тогда вы чего получите, – побледнел вдруг Миллер.

– Получим, получим, не сомневайся. От того самого старшего начальника. Мы ведь умеем убеждать, слышал?

– С-суки вислоухие, – горестно промычал Миллер, отпирая сейф, – вам это так не сойдет, вот увидите.

– Давай-давай, – ободрил его Фишер, – не все ж коту масленица.

В антиграве на стоянке скучал Гречко. При нашем появлении он заметно оживился.

– Ну что? – сверкая глазами, спросил он. – Опустили вы этого урода?

– А ты как думал, – Фишер похлопал по карману своего кителя, где лежали два кристаллодиска. – Все в порядке.

– Меня просто изумляет его упрямство, – заметил я. – С чего бы это?

– Наверное, парень лихо поставил на этот заезд, – почесался Фишер. – Это же нужник, Алекс, разве ты не в курсе? Людей там нет, потому что нормальный человек там жить не сможет. Эти животные грызут друг друга до смерти, стучат друг на друга начальству и так далее. Вот крыска и решила рубануться перед начальством, перед командирами, а заодно и обделать коллег по уши – что ж тут непонятного? Здесь жизнь такая – крысья, не человечесь. Как, понравилось тебе, когда из него дерьмо во все дыры полезло? Он еще пугать меня надумал, хе!

– Все-таки тут что-то не так, – зябко поежился я.

Фишер пожал плечами.

– Что, собственно? Ты просто слабо ориентируешься в психологии обитателей прямой кишки. Это с непривычки. Трогай, мастер Гречко. Сперва в тряпичную лавку, а потом домой.

Гречко отвез нас в шикарный салон готовой одежды, где мы на пару с Фишером оставили целое состояние, после чего пересели в коптер, взявший курс на виллу милорда Харриса.

Все это время я не переставая думал о странном поведении Миллера. Что-то не укладывалось оно в нормальные рамки обычной кассанданской наглости. В самом деле, так рисковать карьерой, мерзавить прокуратора Метрополии – чего ради? Следовательно какой-то там колониальной прокуратуры – птичка-невеличка, Фишер с его властью такого соплей перешибет. Фишер прав, конечно, все они тут от рук отбились, добрый пыж в выхлопное отверстие им никогда не повредит, но все-таки? Не нравилось мне это железное упорство, хоть стреляйся. Наверное, потому и не нравилось, что не мог я найти ему логичного объяснения. Миллер на кретина непохож – будь кретин, жил бы на жалованье, – и терять весьма сиропное место ему явно было не с руки. Какого ж черта так рисковать? Ради хрустальной мечты о громкой удаче? Но кикусу понятно, что никакая прокуратура Кассанданы это кино не раскрутит, горизонт у них не тот. Но тем не менее...

С самого начала точил меня некий червячок – уж больно нелогичным все это мне казалось. Кровь Христова, да все в этом деле было как сквозь задницу пропущено: и оба Фаржа, и этот Миллер. Словно дешевый спектакль. Артисты какие-то корявые, и действуют они мимо денег. Кукловоды, кои дергают за ниточки в этом представлении, вместо рук тянут за уши, вот в чем дело. Но ушами в покер не сыграешь, тут нужны хитрующие пальцы и непременный туз в рукаве. Кто-то пытается сыграть партию, которая ему не по зубам? И при этом ничего не боится? Сейчас Фаржи, а дальше? Паранойя какая-то. Как же можно ничего не бояться? И, собственно, а не проспим ли мы это самое «дальше»? Одни вопросы...

Мой дорогой патрон полковник Детеринг всегда поступает по любимой своей схеме: раззадорить противника, а потом забраться куда-нибудь подальше и высунуть ушки на улицу. Вражья сила начинает в запале искать обидчика, при этом полностью себя демаскируя, а дядя Танк хрясь ей под хвост! – получи, мол, дружище. В зависимости от обстоятельств, конечно. Так что, возможно, имеет смысл устроить тут много шума – вдруг клюнет? А потом уж мы их, голубчиков, вытянем за ушко да на солнышко. Я с самого начала сказал себе: Фишер, он, конечно, Фишером, но я из себя не Шерлок Холмс. У меня тут боевая операция, и по ногам я стрелять не умею. В некоторых случаях действительно не стоит особенно умничать. Мой сэнсей Детеринг многомудр и зверохитр, в чем я много раз убеждался, а он больше делает, чем говорит; ну а что он думает – это уж, извините, хрен его знает. Мысль его извилиста, как желудочно-кишечный тракт, и его ассоциативные ряды так же, как его анализ, несколько отличаются от общепринятого стандарта. Непредсказуемость его, правда, может напугать до икоты, но не стоит дразнить дракона Ри в период случки, как говорил когда-то мой преподаватель оперативной психологии полковник Шатонье, мир его праху.

Коптер привычно занял свое родное стойло, и мы покинули его уютное брюхо.

– Гречко, прикажи обед на двоих в мои апартаменты, – распорядился Фишер, – и Беркова, если он есть – туда же. Идем, Алекс, я сгораю от нетерпения.

Очутившись у себя, Фишер поспешно выволок из сейфа свой кофр, а из кофра достал мобильный терминал – мощную служебную модель с хорошим голографическим проектором. Быстро приведя машинку в чувство, он сунул в вводную щель кристаллодиск. Перед нами возникли какие-то кусты, и нудный неживой голос понес стандартную околесицу о шифре дела и кодах доступа. После чего камера сместилась влево и мы увидели окровавленные лохмотья, ранее бывшие бригадным генералом Яргом Максимилианом Фаржем. Убийцы постарались от души. Фарж был в буквальном смысле разорван в клочья. Уцелели ноги и правая рука, сжимающая довольно редкую модель «эйхлер-кобра», его любимое оружие, с которым покойник не расставался ни днем, ни ночью. Последовал первичный отчет патологоанатома, затем начался осмотр местности.

– Вот это да, – ахнул Фишер. – Стоп, послушаем еще раз.

Он сдвинул запись назад. Механический голос вещал, следуя за камерой, которая показывала обугленные шрамы на деревьях, сожженный кустарник, почерневшие срезы сбитых ветвей:

– Нападавшие, по-видимому, имели около двух стволов поражающей способностью свыше сорока условных единиц и не менее пяти стволов поражающей способностью менее сорока единиц...

– Нет, это уже не просто полицейский кретинизм, – Фишер потер лоб, – как тебе формулировочка: около двух стволов, а? Да какие ж, к черту, «около двух», если там был шквал, просто шквал огня, они его накрыли в считанные секунды. Ты посмотри на эти деревья, это ж явно пробойником работали, а не пистолетом, ты глянь, какая кучность! А тип оружия они что, определить не смогли?

В дверь позвонили. Фишер выключил аппарат и крикнул:

– Войдите!

Появился крепкий парень, толкавший перед собой столик с нашим обедом. Следом за ним шел Берков.

– Сдвиги есть? – поинтересовался он, поздоровавшись.

– Сдвиги, по-моему, начинаются у меня в голове, – сообщил Фишер, – ты посмотри этот материал, пока мы закусываем.

– Ну и что? – недоуменно спросил Берков после просмотра. – Что тебя так удивило?

– Фантастика, – поперхнулся Фишер, – что это за экспертиза? Я такого еще не видел. Это что, кража шнурков? Это же не экспертиза, этим делом даже задницу не вытрешь, это же ни в какие ворота, мать его, не лезет!

– Здесь это в порядке вещей, – пожал плечами Берков, – тут ведь иначе не умеют. Вся раскрываемость держится или на стукачестве, или на поимке с поличным. А ты как думал? Или ты думаешь, они тут что-то всерьез расследуют?

Фишер отложил вилку, плотнул вина и помассировал виски.

– Господи, дай мне терпения... Я чувствую, второй диск и смотреть не стоит. Выслушивать идиотские домыслы этих дегенератов – пустая трата времени. Знаешь, давай-ка к вылету дальнобойный коптер. Придется лететь в поместье. Один черт это необходимо... Я, конечно, понимаю, что на месте преступления мы после стада этих козлов вряд ли что-то найдем, да и аппаратуры нет, но все же.

– О'кей, – кивнул Берков, – спускайтесь вниз. Коптер я вам сейчас устрою.

– Ты устрой еще вот что – вечером мне понадобится связь с Метрополией через штрих-кодер. Пускай милорд озаботится соответствующей башней. Говорить через обычный канал я не могу, сам понимаешь.

– А штрих-кодер? – Берков остановился в дверях.

– Ну, это мои проблемы.

– Понял. Спускайтесь.

Фишер сложил терминал и сунул его под мышку.

– Идем, Алекс. Отдыхать будем, это вот... в гробу. А сейчас нужно выразить соболезнование семье покойного... такая у нас работа, будь она проклята.

Мы вышли в коридор. Двое спортивного вида парней, дежуривших на этаже, вытянулись при нашем появлении в струнку. Я лениво отдал им честь и тронул Фишера за рукав:

– Ларс, у меня одна просьба, если позволишь...

– Конечно, – повернулся он, – что стряслось?

– Я хотел бы воспользоваться твоим терминалом, пока мы будем лететь. Ничего серьезного... так, справка.

– Бери, – Фишер протянул мне плоскую кожаную папку.

Внизу нас ждал мощный остроносый аппарат, возле которого скучали Берков и трое широкоплечих мужиков в отороченных дорогим мехом плащах.

– А это кто? – удивился Фишер.

– Охрана, – спокойно ответил Берков. – Люди свои, проверенные.

– Охрана, – эхом отозвался Фишер. – Красота. Флаг-майор Королев?..

– Я.

– Уровень допуска к транспортным средствам?

– Включая линкор.

– Количество боевых вылетов?

– Девять, пилот третьего класса.

– Стрелковая квалификация?

– Офицер-снайпер, включая корабельный стандарт.

– Полевая подготовка, уровень?

– Офицер-мастер.

– Количество боевых операций, в том числе десантных?

– Тридцать две и восемнадцать.

– Берков, кто кого будет охранять?

Парни опустили очи долу, один аж покраснел. Берков развел руками.

– Извините, ребята, но вам отбой. Рядом с таким хищником вам работы нет.

«Да разве ж я хищник, – усмехнулся я. – Подумаешь, тридцать два захода... я ведь даже не рейнджер. Так, умею кое-что. Конечно, и стреляю, и двигаюсь, и думаю я вчетверо быстрее этих орлов, но они ж не виноваты, что у меня самое высшее боевое образование, меня с пяти лет дрессировали, как песика. И в пустыне выжаривали, и в джунглях вымачивали, и под водой неделями держали, и по горам гоняли – словом, мордовали всячески. Даром это, конечно, не проходит...»

– Так, поехали, – Фишер взялся за дверцу кабины. – Пилот знает, куда лететь?

Берков утвердительно кивнул и нырнул в салон.

Я уселся на заднем диване и откинул панель терминала. Экран замерцал бледно-зеленым светом. Для начала мне требовался вход в полицейскую информационную сеть Кассанданы. Это не составило проблемы – уровень доступа пользователя служебного терминала СБ не вызывал сомнений. Оказавшись в сети, я скомандовал: «население». Затем – «лендлорд», и наконец «Натали Тревис». Запрос был абсолютно конкретным, однако терминал после секундного размышления выдал «Зеро».

Я достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Как мило. Значит, никакая она, к дьяволу, не Натали и не Тревис. А может, и не с Кассанданы? Может, здесь и искать ее не стоит? К чему ж тогда все эти вздохи и почти что слезы в постели? Своеобразный способ выразить благодарность? Чушь какая-то.

«Ладно, – решил я, – мы тоже не лаптем щи хлебаем. Кобыла, верно, с претензиями на хитромудрость. Если это и правда тест на интеллектуальную зрелость, так я такие штучки в двенадцать лет колол – какой это был курс?... „Зеро“ – ну и хрен с ним. Мадам, кажись, унаследовала титул? Ну-ну...» Я вернулся к «лендлордам» и стал искать покойников от полугодовой свежести, введя параллельный курсор поиска «наследование». Терминал честно выдал шестерых жмуриков и пятерых наследников. У шестого таковых не оказалось, и майорат пошел с молотка. В числе пятерых счастливиц была одна женщина, некая Ольга Роллинз. Я сдвинулся на нее. На меня смотрела Натали.

«Какого черта ей стукнуло менять имя, – подумал я. – Это, знаете ли, непростое дело. Ладно – я, но у меня есть и достаточно серьезные причины, и целая куча абсолютно правильных документов на разные имена...» Гм... что ж, Оленька, пора познакомиться поближе. Поехали.

Возраст – тридцать лет. Да, я где-то так и думал. Не девочка. Рост, вес, это вполне знакомо. Антропометрия меня не интересует. А вот биография... Высший гуманитарный колледж на Домусе. А потом? Пять лет работы на головидении столицы, степень по разработкам в области электронных средств массовой информации – реклама. А дальше – тишина. Нет данных. О, стоп! Осуждена за... что? Что это за статья? Ложные показания, ну и ну! Год женской тюрьмы на Кассандане-5. Экий бред, никогда бы не подумал. Впрочем, с местной юстицией, знаете ли... После отсидки – запрет на перемещения... ну, это уже беззаконие. И вот зачем левые документы. Лихо она, однако. Дальше. Профессиональная деятельность – проституция!.. Группа А – что это? О, элитарный патент...

Я отключил терминал. Закрыв глаза. Элитарная проститутка. Как здорово. Какой талант, какая импровизация. Или, или, или?..

Кругом была ледяная пустыня. И я – без шлема, в изодранной куртке, пробитом наплечнике, весь перемазанный кровью и грязью. Кровь запеклась на скулах, кровь слепила волосы в грязные бурые космы, кровь тянула разбитые пальцы, которые сжимали тяжелый «нокк» с полным магазином. Сухой морозный ветер бил мне в лицо, заставляя щуриться мои измученные глаза. Я был один на один с ветром и сверкающим миром льда и мороза. Я, ветер и тяжелый «нокк». Я, ветер и сталь. Где это было? Где это будет?

Я вновь набрал код. Теперь меня интересовал номер линии связи. Узнав его, я отложил терминал в сторону и вытащил из кармана телефон. Я сидел в коптере, мчащемся на высоте двадцать километров, сосал сигарету и крутил в пальцах телефон. «Словно в бой, – подумал я. – Словно мальчишка в первый бой. Как в Академии, где инструкторы на тысячу холостых маркеров закладывали в играх один боевой выстрел – чтоб не расслаблялись. К черту, что это я, наконец?»

Я решительно набрал номер. С полминуты никто не отвечал, потом в ухе приятно завибрировал знакомый бархатистый голос:

– Алло... почему я вас не вижу?

– У меня мобильный аппарат, – ответил я.

– Боже... – она непритворно задыхнулась, – я сейчас завизжу. Ты не забыл меня? Где ты? Ты здесь?

– Я здесь, – мягко рассмеялся я, – только я болтаюсь в небе.

– Когда ты приедешь?

– Не знаю. А ты ждешь меня?

– Боже мой, да! Да! Да! Да! Я жду тебя все это время, я хотела искать тебя, но где и как? Ведь я даже не знаю, кто ты. Ты надолго к нам?

– Сложно сказать. Может быть, да, может быть, нет.

– Узнаю моего мастера Алекса, – журчаще рассмеялась она. – Хотя в каком ты чине, не знаю тоже.

– Узнаешь, – усмехнулся я. – Я обязательно прилечу. Возможно, через несколько дней. Пойми, я в командировке и не располагаю своим временем. Но могу тебе твердо обещать, что не покину Кассандану, не повидав тебя.

– Точно?

– Ты не веришь слову офицера?

– Твоему я, пожалуй, верю. И главное – я верю тебе. И жду. И люблю. Ты слышишь? Почему ты молчишь?

– Да так, – сдавленно ответил я. – Мы уже подлетаем. Извини.

– Я жду тебя, слышишь?

– Слышу... ты далеко, но я слышу. Жди меня...

Коптер заходил на посадку, внизу уже маячили энергомачты поместья. Я спрятал телефон и уставился прямо перед собой невидящим взглядом.

Глава 4

Миледи Эвелин, вдова покойного, остановила легкую антигравитационную платформу на краю редкой рощицы.

– Это произошло здесь, – твердо сказала она.

Она могла бы этого и не говорить. Все было понятно без слов, я аж присвистнул. Здесь трудилась целая бригада. Кустарник в нескольких местах был выжжен дотла, пара толстых деревьев пережжены и свалены, кругом обгорелые ветки и вывороченная, спекшаяся земля.

Фишера, впрочем, интересовало что-то другое. Он с азартом ищейки устремился на противоположную сторону почти круглой поляны, где торчал хорошо опаленный куст рикки. Фарж, верно, стрелял именно в ту сторону. Обгорелая верхушка куста, однако, Фишера не заинтересовала – он сразу сунулся в переплет воздушных корней в полуметре от земли.

– Точно, – с удовлетворением сказал он, – от кого-то летели клочья. Фарж не мог не попасть, даже в те секунды, что ему были отпущены. Ах, была бы аппаратура!..

С этими словами он снова принялся бегать вокруг зарослей рикки, а мы с Берковым стали рассматривать нашу сторону. Тут явно работали чем-то серьезным. Будь я проклят, но дерево в метр толщиной свалит только машина мощностью не менее двухсот единиц, а это что-то десантное, не меньше. Даже во флоте такого оружия нет.

– Их тут была целая орава, – задумчиво произнес Берков, – и стрелять они не особенно мастера.

– Угу, – согласился я. – В стрельбе из мощного излучателя есть своя специфика. Тяжелый он, зараза. И кучности добиться нелегко. Правда, имеются умные штуки типа прицельных систем, но эти снайперы, вероятно, о них и не слышали. Даром лес крошили.

– Даром не даром, а результат налицо, – Берков потрогал пальцем обугленный срез толстой ветви, – генерала больше нет.

Я махнул рукой.

– Профессионалы сделали бы это абсолютно чисто. Поверь, я видел чистую работу. А тут действовали какие-то ублюдки, гнусные трусливые твари. Вооружились пробойниками и толпой кинулись на ничего не подозревающего человека. Вообще последнее время оружия мощнее сорока единиц уж больно много развелось. И где крадут, спрашивается? В десанте, разумеется.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Берков. – Достать пробойник чрезвычайно сложно даже для нас. И деньги, в общем-то, роли не играют. Да и боеприпасы – целая история.

– Возможно, – пожал я плечами, – но ты сам видишь... Уж на что я не криминалист, но смотри: стреляли из трех типов пробойников. Следы разные, видишь? А стреляли скорее всего почти из одной точки. Ну и что-то еще вроде обычных гражданских бластеров. Вон дырки в деревьях. Резво колотили, сволочи.

– Н-да... – кивнул Берков, – это точно, резво.

Фишер тем временем перестал лазить под зарослями рикки и приблизился к нам. Вид он имел несколько озадаченный.

– Ты что-то нашел? – вполголоса спросил я.

– Потом, – быстро ответил он. – Ну что ж, миледи... больше нам здесь искать нечего.

Уточнив время завтрашних похорон, мы погрузились в уютное чрево нашего коптера. Машина поднялась в воздух и с глухим ревом нырнула в нежно-бирюзовое небо субтропиков. Поместье Фаржа находилось много южнее столицы, расположенной в умеренном поясе северного полушария.

– Или я съехал с катушек, – негромко произнес Фишер, – или кто-то действовал очень уж изощренно. Хотя по внешнему виду, так сказать, изощренностью тут и не пахнет.

– В чем дело? – удивился в ответ я. – Что тебя так поразило?

– Да видишь ли... там в этой рикке... пятна крови, пара кусков мяса...

– Ну и что? Фарж в кого-то попал, вот и все.

– Да вся штука в том, что попал он в полицейского...

Берков аж закашлялся.

– Это шутка, я надеюсь?

– Если и шутка, то не моя. – Фишер опустил голову. Пожевал губами, потом вскинул подбородок и пристально посмотрел на Беркова. – Боевой комбинезон колониальной полиции видел?

– Видел, конечно.

– Он биоидентифицирующий, ты знаешь об этом? А? В шкафу это просто белая тряпка. И на тебе это тоже – белая тряпка. А на хозяине – это серо-зеленый комбез с лучеотражающей защитой третьего уровня. Перепрограммировать его архисложно. Фактически это сложно даже в условиях производства – дешевле сделать новый, под конкретного владельца. Заказывать его для «левого» владельца невозможно в принципе – надзор осуществляет мое родное Второе управление.

– Ну и?.. – с ужасом спросил Берков.

– Там, в рикке, в клочьях чьего-то мяса, валяются фрагменты такого комбинезона.

С минуту мы молчали, пытаюсь осмыслить полученную информацию. На меня, да, похоже, и на Беркова она подействовала не хуже доброй зуботычины. Обрывки полицейского комбинезона просто как-то не укладывались в сознании. Кто-то лазил там в ослепительно белом комбезе? Чушь! «Левый» комбинезон? Но заказы в самом деле идут через «двойку», там есть целый отдел по интендантскому надзору. Измена в СБ? Такое мне и в кошмарном сне не могло присниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.